

НАСТЯ О

БОЖЕСТВЕННОЙ
ТРОПОЙ

18+

Отдельные романы

Настя О

Божественной тропой

«Автор»

2026

О Н.

Божественной тропой / Н. О — «Автор», 2026 — (Отдельные романы)

Маленькая плясунья Мэй, рожденная от демона и бога, что ждет тебя на нелегком жизненном пути? Кем станешь ты: милостивой богиней или вероломным демоном, не знающим пощады? Кто он, тот мужчина с повадками лиса, что однажды встретился тебе? И почему в нем заключается корень всех твоих бед? История девочки, которой волею судьбы предстоит нелегкий путь становления богиней. История мужчины, не потерявшего себя, несмотря на бесконечные испытания, что выпали на его долю. История любви, которой не страшны даже многочисленные жизненные воплощения.

© О Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. ПОКА ГОТОВИТСЯ ТРОПА	10
ГЛАВА 2. ДЕВОЧКА СТАНОВИТСЯ БОГИНЕЙ	21
ГЛАВА 3. ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ БОГИНИ	31
ГЛАВА 4. БОГИНЯ ИЩЕТ НОВЫЙ ДОМ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Божественной тропой

ПРОЛОГ

В душном зале придорожной таверны пахло потом, дорогой и ароматом фирменной настойки хозяина. Заведение пользовалось популярностью у путников, несмотря на заметную нечистоплотность содержащих его людей. На местах прогнившем и отсыревшем полу вырастал плотный объемный мох, столы редко ласкала чистая тряпка подавальщиц, небольшие жестяные плошки, служившие вместилищами капающего воска, сплошь были залиты им и очищались лишь тогда, когда требовалось сменить свечи. Однако, несмотря на заметные недостатки, «Дом у дороги», заведение папы Бундо, любили и исправно посещали. Мягкотелье помощницы всегда были улыбки и позволяли уставшим мужским взглядам полюбоваться зрелищем мелькнувшей в разрезе длинной юбки желанной ножки, повару можно было прокричать о заказе из самого зала, и тотчас блюда появлялись перед просителем, как по волшебству. Ну а если не лень было поднять голову от тарелки, то на лестнице, ведущей на второй этаж, всегда можно было увидеть самого хозяина, радушно улыбающегося присутствующим. Стройный мужчина, которому на вид можно было дать пятьдесят лет, осматривал творение собственных рук каждый вечер, неизменно одеваясь в мешковатые темные штаны, рубаху льняного цвета и жилетку поверх нее. Закатанные рукава демонстрировали сильные рабочие руки, испещренные сеткой крупных вен, длинные темные волосы неизменно убирались в хвост кожаным жгутом, и только седая прядь, спускающаяся чуть ниже подбородка, оставалась свободной. Да, папа Бундо любил свою таверну на окраине Древнего города – одного из многих в Рассветном Краю. Папа Бундо привечал у себя любого заплутавшего незнакомца. Случались вечера, когда хозяин спускался со своего поста вниз и щедро наливал настойку собственного приготовления из кувшина, который никогда не выпускал из широких ладоней. Стоило напитку оказаться в алчущем жидкости чреве, и никто уже не обращал внимания на то, что сосуд у папы Бундо никогда не пустеет, а глаза зажигаются алым блеском всякий раз, как на стол после очередной порции настойки опускается обессиленная голова путника. Ослабевших забирали подавальщицы: отводили на второй этаж, устраивали в комнатах и позволяли увидеть не только полоску кожи в разрезе платья, но и молодую красоту доступного девичьего тела. В такие ночи папа Бундо не поднимался наверх после разлития настойки: сладострастные крики посетителей вперемешку с горловыми стонами его девиц из obsługi, сквозь которые остальные захмелевшие гости уже не могли слышать сдерживаемого звериного рыка, были слышны даже из обеденного зала, и держатель таверны впитывал чужие самые острые эмоции даже на расстоянии. Их хватало на всех: и на девочек, что страстно изгибались в руках осоловевших незнакомцев, и на хозяина «Дома у дороги».

Да, папа Бундо был древним демоном инкубом, его подавальщицы – суккубами на добровольной и бессрочной службе, повар – демоном соблазна и чревоугодия. Но кто же в то нелегкое время мог похвастаться безгрешностью? Питаться хотелось даже младенцу.

Именно так думал демон, в который раз собираясь обойти посетителей со своим бездонным кувшином, наполненным настойкой забвения, и разглядывая гостей вечера. Одна пара привлекла его особенное внимание: все потому, что полная женщина в годах и не менее плотный мужчина прибыли в его заведение с большой корзиной в руках, внутри которой сладко посапывал темноволосый младенец. Бундо не удивился бы, не смотришь ребенок, бережно укутанный белоснежным одеяльцем, чужим в атмосфере всеобщей бедности, в которую вписывались даже его родители, одетые в рабочую робу. Демон прокрутил в голове последние новости Древнего города и не припомнил ни одной, хотя бы отдаленно связанной с похищением

ребенка. Что ж, возможно, эти двое всю жизнь копили и работали, не покладая рук, чтобы у девчушки такое вот бельишко было. Что девка, хозяин не сомневался: пацаны даже в наилучших условиях спали беспокойно, периодически просыпаясь и оглашая пространство голодным криком. Этот ангелок сопел слишком сладко для будущего покорителя женских сердец. Этот ангелок явно был рожден в любви и согласии. Только не верилось папе Бундо, что неопрятная крестьянка приходилась дитю матерью. Бабкой, убитой горем, – да. Но не из чрева этой буренки появилась девочка. Впрочем, какое ему до этого было дело? Заплатили – и ладно. Услуг девочек не заказали? Ничего, таверна от этого не обеднеет. Тем более только звякнул над входной дверью колокольчик, возвещающий о прибытии нового посетителя, так что Бундо сразу поспешил навстречу.

– Господин желает отведать фирменной настойки «Дома у дороги?» – дежурно поинтересовался он задолго до того, как начать разглядывать гостя. Прозвучавшее в ответ молчание заставило его на миг забыть о правилах приличия и законах гостеприимства.

Холодные серые глаза он увидел лишь тогда, когда задрал голову. В этом обличье инкуб был хоть и строен, но коренаст и не слишком высок. Посетитель превосходил его, пожалуй, на добрых полторы головы, и сосредоточенным взглядом обводил помещение обеденной. С каждой минутой лицо его принимало все более брезгливое выражение, но Бундо нисколько не стыдился внешнего вида своего заведения. В самом деле, что забыл богач подобного типа именно здесь? Неподалеку ведь находилось более комфортабельное место с подходящим для таких вот снобов названием. Что–то вроде «Вашего привычного уклада», кажется.

То, что незнакомец принадлежал к зажиточному сословию, Бундо определил безошибочно. Ауры он читать уже давно не мог, однако ни стоптанные сапоги пришедшего мужчины, ни его выдавшая виды дорожная одежда, состоящая из брюк и плаща, под которым скрывалась рубаха, не смогли бы обмануть бывшего демона. Всеми виной оказались длинные белоснежные волосы с пепельным оттенком, доходившие мужчине до середины бедра. Они сразу сигнализировали о том, что тщеславие владельца не позволило строить из себя заезжего ремесленника или направляющегося в город торговца. Бундо ощутил укол беспокойства: незнакомец ведь мог и из его братии оказаться. Но своих на территориях людей инкуб не чувствовал: не хватало силы. Лишь в том случае, если, как в случае девочек и повара, заранее знал, с кем имеет дело. Однако огромная волна брезгливости, идущая от путника, которой Бундо бессовестно подкрепился, свела на нет все сомнения, рождаемые интуицией: высшие демоны в забегаловки типа «Дома у дороги» не сунули бы носа. Остальные просто не допускали подобных мыслей. Нет, к папе Бундо зашел простой отчаявшийся аристократ, вдруг решивший, что в жизни ему явно не хватает острых ощущений.

Словно в подтверждение его мыслей, незнакомец небрежно бросил:

– Свое пойло оставь для тех, кто вечно собирается жить между сном и явью. Комнату на ночь. Живо!

Папа Бундо не обиделся. За несколько тысячелетий жизни среди людей он привык ко всякому отношению. Этот пришелец безумно устал. Ему требовалась отдушина. Узнай он, пожалуй, что имеет дело с древним демоном, способным иссушить его до дна, наверное, сменил бы гнев на милость. Но папа Бундо давно уже стал законопослушным и свято чтит договор с людьми. Убивать их запрещалось категорически. Нарушившие же закон попросту развоплощались до состояния коттаев – злобных духов, которые не в силах были обрести покой. Нет, папа Бундо такой судьбы не желал. Он был мудрым инкубом.

– Трепетное женское тело заставит вас отвлечься от тягостных мыслей, – беззастенчиво намекнул хозяин постояльцу на наличие дополнительного спектра услуг.

Во взгляде блондина впервые скользнул интерес. Безошибочно определив девочек–подавальщиц в наполненном почти до отказа зале, хвостатый указал пальцем на фигуристую темноволосую Кюрюко:

– Эту. И побыстрее! – распорядился он.

– Прекрасный выбор, – похвалил его папа Бундо, одновременно подзывая выбранную девушку. – Проводишь господина в комнату наверх и останешься там до утра.

Наметанным взглядом суккуба окинула посетителя с головы до ног и незаметно кивнула хозяину. В руки демона же лег увесистый мешочек с монетами – вознаграждение за предстоящий ночлег. Как и подозревал инкуб, приезжий оказался не из простых горожан. Провожая поднимающуюся парочку прощальным взглядом, демон был уверен, что лучшая из его девочек сегодня наестся до отвала.

Спустя двадцать минут сверху послышались крики: сначала страстные, затем болезненные, а под конец Бундо ощутил агонию погибающей от рук незнакомца Кюрюко. Позабыв о том, что должен изображать гостеприимного хозяина, он молнией влетел на второй этаж, метнувшись в сторону нужной комнаты, но открывшаяся дверь и вырвавшийся оттуда белоснежный вихрь не позволили проверить состояние девушки–суккубы. Вместо этого стихия отгеснила инкуба сначала к лестнице, а потом и вовсе столкнула вниз, перегибая через перила. Одновременно с этим Бундо ощутил вошедшее в подреберье холодное лезвие, которое, почему–то, не стало доводить начатое до конца, вспарывая грудную клетку и, тем самым, подводя жирную черту насыщенными событиями жизни демона. Нет, папа Бундо остался жив и, что самое главное, мог исцелиться. Ослабленный, он свалился со второго этажа как раз за тот стол, который ранее занимала семейная пара с совершенно не подходящим им младенцем. Убийца разрешил сомнения демона весьма простым способом: к тому моменту, как Бундо оказался лежащим на полу таверны, оба взрослых были обезглавлены. Белоснежное одеяльце девочки перепачкалось в чужой крови, но сама кроха продолжала мирно посапывать, будто никогда не творилось вокруг сущего безумия. Инстинктивно инкуб схватил корзину и, прижав ее к своей груди, что было силы, забился в нишу под лестницей, ощущая, как по щекам катятся злые слезы от действий внезапно ворвавшегося в его жизнь незнакомца, в мгновение ока разрушившего все, что было дорого хозяину. А белый вихрь все метался по трапезной, оставляя за собой горы обезглавленных трупов. Вскоре в зале осталось лишь трое живых, хотя развернувшееся в дальнейшем перед глазами папы Бундо зрелище заставило его пересмотреть подсчеты.

Обнаженный до пояса незнакомец с разметающимися по плечам волосами стоял посреди обеденной и отслеживал признаки оставшейся жизни. Удовлетворенно кивнув самому себе, он поднял зажатый в руке иайто и, с удовольствием зажмурившись, слизал с лезвия оставшуюся на нем кровь. Инкуб поежился: пусть сам он в темнейшие свои годы не брезговал мертвечиной, худой, пусть и жилистый, мужчина, пробуящий жизненные соки среди горы мертвецов вызвал в нем естественное желание бежать отсюда подальше. Но куда? Куда он подастся из своего «Дома у дороги»? Инкуб молился лишь об одном: чтобы не проснулась от голода малышка. Демон свое отжил, но отнимать жизнь у еще толком не видевшего света ребенка он считал кощунством. Однако два факта разуверили в этом инкуба и заставили по–новому взглянуть на учинившего резню блондина.

У людей оружие никогда не исчезало из рук. Даже наделенные магией существа, помимо способностей, которыми обладали, всегда имели при себе средства возможной обороны. Воплощать предметы, материализовывая их из воздуха, могли только духи. А значит, блондин был не кем иным, как коттаем.

Для чего духу потребовались обе свободные руки, демон понял несколькими минутами позже: длинноволосая смерть принялась поправлять прическу, пытаясь вернуть пряди к более–менее приемлемому виду. Тут–то Бундо и заметил на его шее волшебный ошейник.

Надо же! Демон даже протер глаза, чтобы удостовериться в том, что чужая цепь ему не померещилась. Но тонкая золотая нить и правда оставляла блики в тусклом сиянии свечей, размещенных на полках по стенам, и то, что дух избавился от иайто, могло означать только одно: коттай свою задачу выполнил.

Испытав огромное облегчение вперемешку с обидой, Бундо вместе с корзиной выбрался из укрытия, привлекая внимание палача:

– И кому же не угодила моя скромная закусочная, а, коттай? – присев на стул, служивший ранее пристанищем для корзины, горько спросил демон. Раны его затягивались медленно, и он возблагодарил богов за то, что перед вечером успел покориться. Эх, Кюрюко... как жалко ему было свою любимую демоницу.

– Без обид, пиявка, – дух стер с лица оставшуюся после перекуса кровь. – Но человеческим властям было поручено провести расследование в отношении твоей забегаловки, а уж им нетрудно было определить, что здесь частенько собираются чисто демонические компании. Сам понимаешь, по договору с людьми это запрещено: излишне подозрительные сборища могут являться средоточием заговора. Это ведет к полному истреблению ослушавшихся.

– И что, коттай, тебя призвали из небытия выполнять самую грязную работу? – сплюнул демон, хотя все внутри клокотало от негодования. – Тут семейная пара сидела! – в сердцах воскликнул он. – Скажешь, тоже демоны были?!

– И воняли хуже всех, – подтвердил дух недавние сомнения демона. – А ты ослаб настолько, что сущность от человека отличить не в силах. Небось, забыл уже, что значит истинный облик принимать, – поддразнил инкуба коттай.

Подобного оскорбления демон вынести не мог, и пусть трансформация отняла бы драгоценные силы, которые сейчас требовались на восстановление испорченной плоти, Бундо упрямо решил измениться. Плотный туман полностью скрыл тело мужчины от усмехающегося духа, являя ему настоящий вид инкуба – златовласого красавца с небесно–голубым оттенком глаз, одетого в светлый просторный доги. Выглядел он едва перешагнувшим порог совершенности.

– Другое дело, – удовлетворенно заметил дух, но инкуб и не думал успокаиваться.

– Ребенка тоже порешишь?! – с нажимом спросил он, выставляя корзину вперед на вытянутых руках. – Или демонят ты из брезгливости не трогаешь?

– Глупый, изголодавшийся по нормальной еде инкуб, – поморщился коттай. – Совсем нюх потерял. Она ж полукровка, – указав пальцем на корзину, со знанием дела заявил дух. – Демона и бога. И в кого она превратится в будущем, будет зависеть от... впрочем, ты и сам прекрасно понимаешь.

Святая семерка! Инкуб выругался про себя. Значит, у ребенка явно имелось предназначение. И чью силу она в итоге унаследует, целиком и полностью будет зависеть от ее первого мужчины. Пока же, со спящими генами, она ничем не отличается от обычного человека. Зато потом испытает либо радость от взаимной любви, либо горечь от одиночества после лишения невинности. Бедная маленькая девочка! И коттай безошибочно оставил ее в живых...

– Меня на десерт припас? – снова прижимая корзину к себе и совершенно не заботясь о том, что одежда пропитается кровью из–за медленно затягивающейся раны, поинтересовался инкуб.

– На тебя заказа не было, – пожал плечами коттай. – Так что, думаю, ты не сильно обидишься, если я попрошу тебя стать малявке родителем. И вбить ей в голову, чтоб не сопротивлялась, когда за ней придут. Ты же не первый день на свете живешь и знаешь, на что могут пойти отдельные умельцы, чтобы девчонку на распутье превратить в услужливую демоницу.

Инкуб знал. Прекрасно знал. И потому сильно удивился заботе коттая о совершенно чужом ребенке.

– Коттай? – видя, как на теле недавнего врага появляется верхняя куртка взамен прошлого плаща, а сам он начинает пробираться сквозь горы трупов к выходу, окликнул его инкуб. Обернувшийся блондин вопросительно взглянул на демона. – Захочешь поквитаться за одетый на тебя ошейник – обращайся.

На миг во взгляде духа промелькнуло удивление и нечто, отдаленно напоминающее уважение.

– Не стоит переходить дорогу взбалмошным богам, – криво усмехнулся мужчина.

– Порой достаточно упасть им в ноги – и получить желаемое в процессе удовольствия, – понимающе хмыкнул инкуб, и коттай понял, что, похоже, с божественными заморочками тот был знаком не понаслышке.

– Меня зовут Риндо, – коротко бросил он, после чего окончательно покинул «Дом у дороги», оставляя за хозяином право прибираться за не слишком аккуратным постояльцем. Демон оценил широкий жест.

Спустя несколько часов Бундо с заплечным мешком убаюкивал проснувшуюся у него на руках трехмесячную девочку, попутно наблюдая, как медленно занимается пламя над тем, что недавно служило для него домом. Сейчас первым делом стоило найти кормилицу для малышки – сбережений, хвала богам, у него хватит. Затем он подумает над тем, где устраивать новое жилище. Обрато выторговать девочек у смерти не являлось серьезной проблемой: старая карга еще не устала от его пламенных объятий и приносимого с их помощью удовольствия. Гораздо сложнее было уговорить его ласточек снова прислуживать гостям. Особенно Кюрюко. Это ведь ее коттай сначала использовал, а потом хладнокровно прикончил... захотят ли они вернуться на эту сторону?

Впрочем, сейчас вопрос персонала не слишком заботил его. Плач потенциальной богини уже порядком начал доставать. Ненасытное создание! И как в таком маленьком тельце могло уместиться столько сил на разрывающий слух ор? Она еще и елозить умудрялась знатно, так что демон с улыбкой пожаловался:

– Да что ж ты за плясунья такая уродилась, а, божка? А давай–ка и имя тебе выберем подходящее... О! Мэй! Назовем тебя Мэй, девочка...

За сохраненную жизнь Бундо всегда будет благодарен коттаю. Но вот за это вопящее нечто...надо будет подумать, хватит ли у него сил навесить на обладателя иайто какое–нибудь безысходное любовное проклятье. А пока...пока ему стоит отправиться в близлежащую деревню. В городе его обязательно узнают и быстренько свяжут с пылающим «Домом у дороги». В деревне...в деревне он успеет затеряться даже с недовольным ребенком. Коротко усмехнувшись своим мыслям, папа Бундо, прижимая к груди нового члена своей семьи, отправился прочь от Древнего города.

ГЛАВА 1. ПОКА ГОТОВИТСЯ ТРОПА

– Один глаз фиолетовый, второй голубой! – обрадовано говорит чей-то на удивление мягкий голос над головой, и это становится первым воспоминанием моего счастливого и безоблачного детства.

Я не знала, как попала к двум удивительным людям, ставшим моей семьей – папа Бундо и мама Кюрюко никогда не скрывали того факта, что я у них приемная – но, не переставая, каждый день благодарила светлого бога Ёёши за то, что устроил эту судьбоносную встречу. И пусть подробностями со мной делиться не спешили даже к совершеннолетию, основные моменты я все же узнала.

Раньше Кюрюко служила у папы Бундо подавальщицей. Заведение его, «Дом у дороги», было не таким ухоженным и посещаемым, каким сейчас стал «Ветер в поле» – дом, обернувшийся для меня приютом и местом постоянного пребывания. Напротив, предыдущая таверна отца служила, скорее, забегаловкой для тех, кто совсем устал после путешествия и был не против отдохнуть часок–другой в комнатах второго этажа с одной из девушек, разносивших напитки и еду. Наверное, непосвященный человек воспринял бы этот факт с брезгливостью, не зная он, что мой папа – высший инкуб с запечатанным даром, а его девочки – знакомые и любимые суккубы. Даря постояльцам любовь, ласку и приятные сны до самого утра, они, таким образом, кормились, и ничего зазорного для демонов их вида в этом способе не было. Конечно, я жутко краснела, пока толком не понимала, кто вообще такие суккубы, инкубы и даже тот маленький мальчик Кокки, с которым я проиграла все детство, на проверку оказавшийся ни много ни мало дорроном – хранителем места, которое папа Бундо назвал своим новым домом. Это потом, много позже, когда за мое образование взялись всерьез, я стала понимать, что к чему в Рассветном Крае.

Когда великий бог Ёёши очнулся от забвения и тьмы, он не обнаружил вокруг себя ничего, кроме хаоса и разрухи. Опечалившись, впал он в состояние сна наяву, отчаянно пытаясь найти выход из тюрьмы, в которой оказался. Ничего не помогало великому богу, свет его гас в непроглядной тьме, а благие побуждения вызывали лишь насмешки хаоса. И тогда разозлился бог. И яростью своей развеял волшебные прутья заточения. И нырнул в первый попавшийся водоворот. И стал первым богом, спустившимся в мир Рассветного Края.

Оглядевшись, не заметил бог ничего нового: та же разруха вокруг, та же темнота и безнадега. Уходить собрался бог, но вдруг ощутил под ногами твердую землю, на которую ступил. Послышался богу в темноте чей-то жалобный крик, и пошел бог на этот крик и обнаружил вскоре заплутавшего в лесных дебрях ребенка. Чтобы не испугать его, принял бог человеческое обличье и спросил, что случилось с мальчиком. И помог бедному найти дорогу домой.

Привел мальчик бога в родное поселение, и оказалось, что люди, живущие там, страдают от темноты и холода и никуда не выходят в одиночку. Один лишь Омэй, поссорившись с сестрой и понадеявшись на собственные силы, ушел в лес без сопровождения, где и нашел его великий бог. Сестра, увидев младшего брата, залилась слезами радости и упала в ноги Ёёши, благодаря его и целуя кончики его пальцев в походных сандалиях. Красива была девушка, приглянулась она Ёёши, но не решился бог признаться ей, зато попросил в обмен на свою помощь пожить некоторое время вместе с ней и Омэем, объяснив это тем, что и сам заплутал и теперь не знает, как найти дорогу домой. Приняли жители бога с распростертыми объятиями, и продолжилась жизнь в людском поселении, как ни в чем не бывало.

Но затосковал через некоторое время Ёёши. Понял он, что люди не в силах скрасить его печали, что нужен ему свет и добрые помыслы. Одна лишь отрада была в жизни – Омэй и старшая сестра его, темноволосая прелестница, звавшаяся Ёёни. Хотел бог облегчить им жизнь и

вскоре решился на отчаянный шаг: принес людям дневной свет. Проснувшись однажды по привычке, жители деревни закричали от благоговейного ужаса: из-за горизонта, которого никто отродясь не видел, вставал огромный золотой шар, сияющий ярко и несущий вместе с собой тепло и благодать. Испугались люди его, взглянули друг на друга – и испугались еще больше, ведь не видели они себя в лучах нового светила. И только Ёёши не поддался панике, а поспешил успокоить поселенцев, сказав, что это боги благословили край, в котором они живут, назвав его Рассветным. И увидели люди, как красив Ёёши, и стали женщины заглядываться на него, и одна лишь Ёёни продолжала ласково улыбаться и позволять ночевать в своем доме. Она, как и сам великий бог, в лучах Солнца – а именно так назвали светило жители – оказалась настолько прекрасной, что остальные принялись завидовать и тоже захотели соответствовать. Были люди Рассветного Края грязны и неухожены, собирали влагу с деревьев и кустов. И тогда помог им Ёёши во второй раз.

Стали люди уходить из деревни на большие расстояния, позволяло им светлое время отлучаться. Принялись охотиться больше и приносить в дом крупную дичь. И вот однажды прибежали они в деревню и принялись звать с собой остальных. И привели они жителей к месту, где из каменной скалы, с огромной высоты с улаждающим слух шумом падала вода. Не жалкие капли, что привыкли люди беречь и собирать для приготовления пищи, а огромное озеро раскинулось перед ними. Ёёши первым зашел в воду, чтобы искупаться. Остальные, после недолгих сомнений, последовали его примеру. И оказалось после, что вода эта целебная и очищающая. И стали жители деревни, все, как на подбор, прекрасными и светлокожими, с большими глазами и привлекательными яркими губами. Мужчины и женщины, взглянув друг на друга, поняли, насколько слепы были раньше. И принялись они узнавать друг о друге с новой силой, общаясь и рассказывая истории при свете дня. Место с бьющим из скалы источником так и назвали водопадом, а за прекрасный звук добавили ему прозвище Поющий. С тех пор Поющий Водопад стал одной из святынь Рассветного Края.

Ёёши радовался за людей, но счастья их разделить по-прежнему не смог. Овладела им знакомая тоска, и скрылся бог под толщей срывающейся сверху воды. Но не ожидал бог, что последует за ним Ёёни, не опасаясь быть покалеченной и оглушенной. С привычной улыбкой, в мокром платье, облепившем точеную фигуру, находясь по пояс в воде, подошла она к богу, что был не в силах вымолвить ни слова от ее красоты и грации. Провела ладонью по его мокрому лицу в благодарность за то, что сказал людям не бояться воды. И не выдержал бог – сжал юную деву в своих объятиях и украл первый в ее жизни поцелуй. Не испугалась Ёёни, только вздохнула глубоко и не прервала поцелуя. С тех пор у них появилась одна на двоих тайна.

Не смел больше бог прикоснуться к любимой: могли в деревне опорочить ее бранным словом, могли растоптать честь и достоинство. Съехал бог от Омэя и ласковой его сестры и построил себе отдельное жилище. Зря сделал это бог, но судьбу было уже не изменить. Пусть грустила Ёёни над решением любимого, спорить с мужчиной не решилась. И приняла свою судьбу с достоинством, начиная привыкать жить по-старому с братом.

Дом у Ёёши оказался до того ладным и уютным, что с двойным интересом стали засматриваться на него женщины. Они еще помнили темные времена и понимали, что ночь лучше проводить в крепких чужих объятиях. И вот одна из них, смелая настолько, что отправилась вечером к богу, решила попытать своего счастья и занять место в постели великого. Но что есть попытка приворожить мужчину, уже отдавшего свое сердце кроткой молодой красавице? Отверг Ёёши женщину, выгнал из дома, добавив, чтоб больше не появлялась на его пороге, и затаила злобу женщина, и нашла эта злоба выход.

Отправилась женщина к старейшине и заявила, что приставал к ней Ёёши, что на честь ее покушался. Поверил женщине старейшина, обвинил пришедшего в том, чего тот не совершал, и велел покинуть деревню до рассвета, позволив остаться с людьми последнюю ночь. Не расстроился Ёёши: понял он, что судьба сама велит ему уходить, и принялся собирать вещи. Тем-

ной ночью, услышав робкий стук в дверь, разозлившийся бог приготовился вновь выставить ненавистную обманщицу вон.

На пороге он обнаружил плачущую Ёёни. Пустил в свой дом, где она стала лить слезы и того пуще, умоляя не покидать ее и Омэя, потому что жизнь их без великого будет тоскливой и безрадостной. Обнял ее Ёёши, сжал в своих руках, но от решения не отступился. Знал бог, что настало время людям жить без чужой помощи. И оставил он теплые объятия Ёёни, попытавшись выглядеть бодрым. И застыл, словно вкопанный, когда полетело на пол скромное одеяние девушки. Признавшись, что любит его и не мыслит без него жизни, девушка попросила подарить ей всего одну ночь. После этого она готова была отпустить его. Не сдержался бог, вновь преодолел разделяющее их расстояние, и руки его ощутили под собой гибкое молодое тело. Под водопадом отдала Ёёни ему свой первый священный поцелуй, под покровом последней ночи в деревне подарила невинность.

Она уходила от него, счастливая и обновленная, когда лучи солнца еще не показались из-за горизонта. И улыбался бог, провожая взглядом тонкую девичью фигурку с собранными наверху длинными темными волосами. Видел он, как зашла в свой дом Ёёни. Увидел, как выбегала она оттуда спустя несколько мгновений, крича от ужаса. Устремился к дому любимой бог и застал внутри страшную картину: растерзанного в детской кроватке Омэя.

На крик сбежалась вся деревня, видя у входа в жилище безутешно рыдающую Ёёни. Когда вышел изнутри великий и со скорбью сказал, что мальчик умер, та самая женщина, что лечь хотела под бога, выступила из толпы и заявила, что растерзал ребенка дикий зверь, пока сестрица его похоти предавалась. Ёёши пронзил ее полным презрения взглядом и сказал:

– Откуда знаешь ты, что растерзали Омэя?

Вся деревня посмотрела на подлую жертву с осуждением. Поняли они, кто виноват в гибели мальчика, и лишь свернувшаяся на земле Ёёни не желала ничего знать, оплакивая погибшего брата. Но и она затихла, стоило богу разозлиться настолько, что потерял великий свой человеческий облик. Засияли на его теле волшебные руны, осветилось божественным символом чело, а поношенная роба вмиг обратилась струящимися длинными одеждами. Зеленые глаза на красивом лице, обрамленном длинными золотыми локонами, в упор уставились на убийцу мальчика. Наслал он на нее проклятье, превратив в духа шакала, и унесся дух бродить по Рассветному Краю в поисках покоя. Но не закончился на этом божий гнев.

Равнодушно оглядел Ёёши оставшихся жителей деревни. Не было в нем милосердия по отношению к тем, кто поверил человеку с подлой душой.

– Я сделал вам два великих подарка: солнце и воду в достатке. Чтобы не забывали вы меня, сделаю еще один. Пища ваша пресна, люди. Сырым вы употребляете мясо, словно дикие звери, и сами им же уподобляетесь. Завещаю я вам отныне использовать в помощь себе огонь.

– Огонь? – полюбопытствовал кто-то самый смелый. – Но что такое огонь?

– А вот что, – с жесткой улыбкой ответил бог, и в то же мгновение вспыхнули все дома в деревне. Прощальный подарок бога заставил жителей испустить крик ужаса и разбежаться кто куда, вопя от безнадежности о том, что превращается в пепел все, что когда-то было им дорого. И чем дальше убегали люди от деревни, тем прозрачнее становились их тела. Ни одной запятнанной души не оставил в тот день в живых Ёёши, всех обратил в злобных коттаев, разлетевшихся по свету для того, чтобы поведали о праведном гневе светлого бога.

Лишь одна Ёёни не сдвинулась с места. С отрешенным лицом наблюдала она за тем, как пламя поглощает ее дом с погребенным внутри младшим братом.

– Идем со мной, – протянул ей руку Ёёши. – И ты никогда больше не будешь несчастна и одинока. Я разделю твою боль с тобой и подарю свет самым темным уголкам души. Стань равной мне богиней. Стань мне единственной и горячо любимой женой.

Ёёни вложила свою ладонь в руку великого, согласившись быть супругой и верной спутницей. С тех пор, как гласила легенда, они никогда не расставались. Ёёши женился на девушке

и отнес ее с собой на небо, и лишь для них двоих стало светить ласковое солнце. Мир Рассветного Края же снова погряз во тьме в наказание за то, что совершили жители проклятой деревни.

И взмолились тогда остальные люди двум богам мира, просили со слезами на глазах вернуть солнце и указать во тьме путь, по которому они выйдут к благоденствию. И сжалилась над ними Ёёни, как ни велика была ее скорбь по умершему брату, и пошла с просьбой к любимому мужу, чтобы помог тот людям встать на путь истинный. Долго упрямылся Ёёши, но и его выдержка дала слабину под умоляющими взглядами жены. И пошел он на уступки по отношению к человечеству, но с одним условием. Если хотели люди, чтобы взяли над ними руководство боги, то обязаны были соорудить близ своего поселения храм во славу будущего покровителя и назначить в этом храме духа–хранителя, чтобы следил он за порядком и убранством, чтобы приходить богу в свое жилище было легко и приятно. И со счастливым смехом согласились люди на требование богов, и загремели со всех сторон звуки топоров о срубаемые стволы деревьев. Преобразился Рассветный Край: с возведенными храмами засиял он новыми красками в лучах вернувшегося солнца.

И другие боги заметили, как расцвела забытая ими земля, и тоже стали оседать там, где нашли себе пристанище Ёёши и Ёёни. И не противились два верховных бога новой компании, а только рады были ей, ибо пополнялось сверхъестественное племя в Рассветном Краю, а первой паре стало легче управляться с людскими молитвами. И вздохнули боги спокойно, когда соратников их стало множество, но и не подозревали они, какую беду впустили в мир Рассветного Края.

Селились здесь не только боги счастья, но и вероломные боги, покровители войны и разрушения. Сеяли они раздор и разруху среди людского поколения. Слабые духом, поддаваясь их влиянию, выпускали на волю снедавшие их ярость и страсть к погибели, и уходили в забвение многие и многие хорошие люди, обращаясь неуспокоенными духами. И становились одни из них добрыми, дорронами, которых Ёёши и Ёёни решили использовать в качестве духов–хранителей своих храмов. Злые же, недовольные собственной несвоевременной гибелью, сами отправлялись к богам, чтобы просить их милости. Но не было среди этих богов первой супружеской пары. А последующие пришлые боги, расчетливые и видящие выгоду в том, чтобы использовать духов, ожесточенных умерших людей обращали котгаями, не давая покоя ни на земле, ни на небе. И разозлились на своих создателей духи – и разбрелись по земле кто куда. И самые сильные из них со временем обратились демонами. И стали с тех пор противостоять друг другу боги и демоны. И лишь Ёёши с Ёёни взирали на них с тенью печали в глазах.

Но и жестоких демонов времена стали подходить к концу, пусть и закрепилась за ними слава беспощадных убийц людей и богов. И стали демоны искать свое призвание, и обернулось это началом бесчисленного количества полуживых созданий мира.

Так гласила история, которую я изучала вместе со многими девушками «Ветра в поле», заботу об образовании которых целиком и полностью брали на себя родители. А ведь были времена, когда мы даже крошке хлеба радовались, словно небесному благословию...

За что мой добропорядочный папа впал в божественную немилость, оставалось тайной за семью печатями. Известно было лишь то, что однажды его лишили полной силы инкуба, и с тех пор получать любовную энергию людей он мог лишь частично. В то время он еще содержал «Дом у дороги», но судьба заведения оказалась плачевной, ибо однажды... однажды пришел тот, кого прозвали Белой Смертью, и в наказание за неисполнение людских законов истребил всех, кто в тот момент находился в заведении папы Бундо. Тогда–то я и появилась.

Папа частенько любил повторять, что я стала его благословением, потому что только благодаря мне он не опустил в то время руки. Только благодаря мне он отправился на поиски нашего нового дома, который и устроил в здании заброшенного храма Ёёши, а затем вернул из небытия всех отправленных туда девочек. Кюрюко приходилось умолять особенно долго,

и итогом их разговоров стало непреклонное требование девушки о том, что подавальщицей она больше не будет.

– Если хочешь видеть меня рядом с собой, смотри на меня, как на жену, – заявила Кюрюко. – Иначе я предпочту остаться в долине умерших.

Отец согласился. С тех пор они стали не разлей вода, и именно Кюрюко больше всех восхищалась моими разноцветными глазами. В два с небольшим года я обрела мать, о которой могла только мечтать, и никакие невзгоды не могли сравниться с ощущением бесконечного счастья.

Первые пять лет наш маленький, но очень дружный коллектив работал на благо «Ветра в поле» не покладая рук. Девушки драили и скоблили облупившиеся полы, папа договаривался с деревенскими о помощи с восстановлением обвалившихся перекрытий, даже мне задание нашлось: я читала вслух стихи из древних свитков, чтобы никому не было скучно. Потом и сама включалась в рабочий процесс, к концу дня неизменно обнаруживая стертую кожу на руках. И пусть радость от удовлетворения в собственных силах затмевала все остальные чувства, некоторое сожаление все же оставалось. Я так и не прижилась среди деревенских ребятишек, пусть и очень хотелось общаться с ними. Может, всему виной было то, что по сравнению с деревенскими приезжая группа людей выглядела чересчур красивой, как картинка, и простые смертные боялись находиться рядом, веря предубеждениям. Может, новоселы так и не смогли вклиниться в привычный уклад старожилов, но факт оставался фактом: вечера после работы я неизменно проводила в одиночестве, болтая свесившимися с крыльца ножками и смотря на постепенно закатывающееся солнце, пока взрослые своей веселой компанией ужинали за большим самодельным столом. Да, это были хорошие времена. И даже капля грусти не могла омрачить того, что постепенно наш дом становился все краше и краше.

Мама занялась обустройством участка вокруг «Ветра в поле». Само название, кстати, пришло папе на ум совершенно случайно. Просто заброшенный храм верховного бога и правда стоял на открытой местности, огороженный небольшим и не слишком высоким забором, зато внутри, если не считать широкой выложенной булыжником дороги к главному зданию, зарос плотным кустарником, среди которого часто раздавались завывания ветра, прилетающего с открытой территории. Мужчины из деревни помогли с расчисткой земли, и вскоре место будущей гостиницы стало выглядеть совершенно иначе, но ассоциации сохранились в нашей памяти, так что мудрствовать над названием не пришлось никому. Со временем здесь и дорогу проложат, так что отбоя в посетителях не будет, но это случится в отдаленном будущем. Пока же мы с мамой Кюрюко увлеченно высаживали живую изгородь, которой предстояло разделить пространство на несколько зон.

У «Ветра в поле», помимо основного здания с комнатами для ночлега и обеденной зоной, также планировалось пристроить небольшое место для купания в горячих источниках, поскольку доступ к ним обнаружил однажды наш сверхъестественный повар, после чего предложил устроить дополнительный вариант для заработка. С ним согласились все, поскольку деньги в то время были нам чрезвычайно необходимы, и вскоре небольшой бассейн с выходом парящей воды на поверхность был подключен к системе водоснабжения и, смешиваясь с водами близлежащей реки, выходил в специально приготовленные под нужды посетителей парильни. Их было две – для мужчин и женщин соответственно. И даже зимой температура источников оказывалась постоянной. Здесь, конечно, уже не обходилось без магии.

Папа никогда не скрывал от меня истинного предназначения. То, что я выглядела как человек, не давало ни единого повода для расслабления: когда-нибудь, в будущем, я должна была исполнить отведенную мне божественным промыслом роль, вот только суть ее была скрыта завесой тумана. Знала я и способ, по которому должна буду выбрать одну из двух дорог... но о нем предпочитала не задумываться. Порой мне становилось даже смешно: полукровка бога и демона! Как такое вообще могло прийти в голову? Дитя двух противоборству-

ющих группировок? Это было словно пощечиной судьбы, возненавидевшей давнее противостояние древних сущностей. И самым грустным было то, что никто не спросил моего мнения. Хотела ли я сыграть отведенную мне роль?

Невеселые думы часто обуревали меня, когда вечером я оставалась в одиночестве на крыльце. И пусть маленький ребенок не должен был задумываться о судьбах мира, мысли эти все чаще приходили в голову. Возможно, мне стоило в это время играть в куклы с другими девочками из деревни, да вот беда: они со мной не дружили, и куклы, соответственно, так и оставались в их руках. Попросить у родителей я не решалась: деньги уходили на самое необходимое, и о том, чтобы пойти на ярмарку и приобрести там набитую соломой девочку из мешковины, не могло быть и речи. Даже такие простые игрушки ценились дорого, ведь они являлись результатом чужого труда, а значит, должны были быть оплачены. Но я не унывала. Я верила, когда–нибудь и нашу землю по–особенному озарит солнце, и ждала этого светлого мига с замиранием сердца.

В тот вечер, отужинав быстрее остальных, я снова отправилась на прогулку по территории будущей гостиницы. Обойдя все заветные места и даже посидев в купальне в специальной зоне для детей, где дно водоема было не так далеко от поверхности, я распустила выющиеся темные волосы, предоставив ветру тихо сушить их, и не торопясь отправилась к дому. Традиционная для встречи гостей одежда развевалась под его порывами, и мне частенько приходилось запахивать полы халата, чтобы не сильно обдувались не высохшие после купания ноги. Спать не хотелось, зато настроение подходило как раз для того, чтобы посидеть на крыльце и полюбоваться отцветшим деревом аотамы, отдавшим свои последние лепестки около недели назад. Цветение священного дерева Ёёши стало возможным благодаря знакомству папы Бундо с одним из богов плодородия: тот по старой дружбе принес к нам семечко, посадив которое, мы с удивлением обнаружили на следующий день куст в половину человеческого роста. Привычной высоты – около четырех метров – дерево достигло спустя неделю, а наслаждаться своим прекрасным цветением позволило уже следующей весной. Тогда даже жители деревни пришли полюбоваться на яркие золотые соцветия – любимый оттенок верховного бога, напоминающий его прекрасные распущенные волосы – на светлых, молочных ветвях, раскинувшихся далеко от ствола. Дерево аотамы стало настоящим украшением территории гостиницы, и мама предусмотрительно посадила его рядом с воротами: тогда, еще в отсутствие дороги, проезжающие мимо путники могли видеть цветущий подарок бога плодородия с большого расстояния.

Конечно, я радовалась цветению аотамы вместе со всеми. И глаз не могла оторвать, если случалось запечатлеть момент, во время которого медленно начинало распускаться соцветие с нежными золотыми лепестками. Но и прелесть отдавшего свою красоту растения по–своему была мила моему сердцу. Я никому не говорила об этом, но обнаженные ветви дерева в свете заходящего солнца по–особенному переливались, приобретая необычный светящийся ореол, и я, словно зачарованная, смотрела на молчаливое великолепие природы, не в силах оторвать взгляда.

В тот вечер я не одна любовалась тайным, только мне известным зрелищем. В тот вечер моя жизнь круто повернула в противоположную от красоты сторону...

– Не пристало маленьким девочкам любоваться красотой обнаженной аотамы, – раздался рядом со мной ленивый мужской голос, от которого я вздрогнула. – Это красота смерти, и маленьким цветам жизни она не должна нравиться. Лишь зрелое семя по достоинству может оценить ее.

Я оглянулась на звук приятного голоса и обнаружила по правую руку от себя странного мужчину, как и я, разглядывающего дерево в лучах заходящего солнца и ни на минуту не отрывающегося от своего занятия – даже тогда, когда с легкой ленцой выговаривал каждое свое слово. Почему странного? Четкого ответа на этот вопрос я, наверное, не смогла бы сформулировать, находясь даже в более зрелом возрасте, однако каждая частичка в нем дышала ино-

земностью. И задумчивый взгляд, устремленный к молочной коже аотамы, и поджатые тонкие губы, и даже бледная кожа мужчины, казалось, говорили о том, что родом он из Рассветного Края. И одеяние на нем было традиционное, принятое у гостей: длинный костюм цвета темной сливы, подвязанный широким серебристым поясом, национальные сандалии – этот человек пришел из дому, чтобы очутиться у папы Бундо. И все равно он был здесь чужим. Здесь – значит, на всей нашей земле.

Его выделяли волосы. Длинные, цвета свежеснежного снега, густые и мягкие, развевающиеся от любого порыва ветра, они так и тянули прикоснуться к ним. Обычно этот человек приходил к папе с собранными в хвост волосами – сегодня они были распущены и свободно лежали на дощатом полу крыльца. Один из порывов вечернего ветра подхватил прядь у лица, что была короче остальных, и отправил в путешествие по воздуху. В этот момент нас с незнакомцем коснулся последний луч солнца – и выброшенная вперед прядка заиграла его золотистым сиянием. Пораженная, я смотрела, как, опадая обратно к лицу мужчины, она лишается сияния вечерней звезды, и вместе с тем понимала – вот оно, то самое, что я никак не могла схватить и все время упускала в облике мужчины. Это оно, то внутреннее сияние, которое отличало его от других людей...

Когда последняя волосинка присоединилась к остальным, я невольно перевела взгляд на лицо мужчины. В его глазах светился живейший интерес, на губах играла легкая улыбка, и тут-то я и спохватилась того, как откровенно и бесстыдно разглядывала гостя. Мигом поднявшись, я резко изменила положение, садясь на подложенные пятки и кланяясь мужчине до земли:

– Простите мою дерзость, молодой господин! Вы пришли отдохнуть с дороги, а я забыла о своих прямых обязанностях! Позвольте проводить вас внутрь нашего дома отдыха!

Я проговаривала каждое слово, не поднимая головы от пола и вкладывая в речь максимум почтительности, которой успела обучить меня мама Кюрюко. Конечно, я не могла не узнать этого мужчину: он был любимым гостем папы Бундо и, наверное, дорогим другом тоже. Только мама почему-то недолюбливала его, а меня и вовсе старалась держать на расстоянии, вот почему я поначалу и не признала его по голосу. Обычно, приходя в наш дом, он сразу уединялся в папиной комнате на первом этаже, и я успевала только подсмотреть его неспешное передвижение к нужной двери от входа, если замечала через окно своей спальни, выходящее к парадной двери, его степенное приближение. Все, что происходило между папой и этим незнакомцем, для меня оставалось в секрете. Помню только, как однажды этот мужчина пришел к нам в очень хмуром настроении, и папа, позабыв все законы гостеприимства, сразу с порога спросил:

– Что случилось, Риндо?..

– Алый демон... – только и ответил мужчина.

Так я и узнала, как зовут незнакомца. И сейчас боялась поднять голову от пола, так не хотелось мне заработать его неодобрение. Еще бы – дочка хозяина гостиницы совсем возгордилась! Настолько позабыла о приличиях, что нагло разглядывала богатого господина! Но меня отвлек от тревожных мыслей его тихий голос:

– Девочка...

Нерешительно, но все же я подняла голову от деревянных половиц крыльца, чтобы почти сразу же прийти в состояние странного трепета: на этот раз Риндо почти повторял мою позу, находясь в коленопреклоненном положении напротив. Я и заметить не успела, как он взял в плен одну из моих рук.

– Как тебя зовут, девочка?..

– Мэй, господин. Меня зовут Мэй.

То, что произошло дальше, осталось в моей памяти первым ярким воспоминанием, связанным с Риндо: склонив свою голову к моей ладони, так что мне стала видна его белоснежная

макушка, мужчина легко поцеловал кожу на руке. Оторвавшись от нее, вновь взглянул мне в глаза и произнес со всей откровенностью:

– Рад с тобой познакомиться, Мэй. Ты хорошая девочка.

От удивления я даже невежливо открыла рот. Потом покраснела уже от удовольствия, потому что меня приветствовал самый красивый из виденных до этого мужчин. Это потом, много лет спустя, вспоминая свои впечатления от первого близкого знакомства с Риндо, я буду горько улыбаться, сейчас же я была польщенным восьмилетним ребенком, впервые удостоенным такой чести, как поцелуй.

Очарованная близким присутствием человека, ставшего для меня олицетворением волшебства, я не услышала, как открылась входная дверь. Очнулась я тогда, когда надтреснутый голос мамы Кюрюко жестко произнес:

– Отойди от нее!

– Кюрюко! – прикрикнул на нее вышедший вместе с ней папа. – Умерь свой пыл и отнесись к Риндо с подобающим уважением! Извинись сейчас же перед моим гостем, ты виновата!

– Бундо... – начала было мама, но была остановлена его решительным голосом:

– Однажды ты попросила относиться к тебе, как к равной, как к жене. Я выполнил твое условие. Так будь же по-настоящему достойна называться женой! Извинись сейчас же!

В это время я как раз перевела взгляд с оторвавшегося от моей руки мужчины на папу с мамой и поразились произошедшей с Кюрюко перемене: такой беспомощной и одинокой сейчас казалась воспитавшая меня женщина. Ее длинные прямые волосы цвета воронова крыла обдувал легкий ветерок, руки, пусть воздух был свеж и тёпл, кутались в отвороты торжественного халата, который она всегда надевала для приема гостей. И я точно знала: дрожали они не от внезапного холода, а от ярости, затмившей разум мамы. На сердце поселилась печаль: как могла она так люто ненавидеть отнесшегося ко мне с добротой человека?

– Прошу великодушно меня простить, милостивый господин, – проскрежетала со всей возможной в данной ситуации вежливостью мама. Я знала, что этим поступком она наступает на собственное горло. – Демоны прошлого внезапно овладели моей грешной душой.

– Полно извиняться, госпожа Кюрюко, – твердо ответил ей Риндо, плавным движением поднимаясь на ноги. Перед этим он осторожно выпустил мою ручку, дождавшись, когда я снова посмотрю на него. – Вы прекрасно знаете, что вина лежит в равной степени на всех нас. Я понимаю ваше желание позаботиться о дочери наилучшим образом. Я уважаю ваше желание.

С этими словами, не прощаясь, мужчина сделал знак моему папе, и оба они покинули крыльцо, скрывшись за дверью гостиницы. А донельзя расстроенная мама опустила рядом со мной и, обняв, что было силы, с шумом выпустила из легких воздух.

– Что случилось, мама? – с надеждой, что мне расскажут обо всем, спросила я.

– Я снова подвела твоего отца... – горестно отозвалась Кюрюко.

Она не чувствовала ни капли вины за то, что надерзила пришлому мужчине. Центром ее мира всегда был и останется мой златовласый папа, и именно его неодобрение так сильно подкосило ее. В тот вечер, я знала, ночевать отец остался в кабинете. Больше мама ни слова о его близком друге не произносила.

В ту ночь я долго не могла уснуть. Ворочалась в своей постельке, прислушиваясь к шагам снаружи. И в тот момент, когда почудилась незнакомая поступь с характерной ленцой, не выдержала – приблизилась к двери, осторожно притворив ее.

– Что ты делаешь в столь поздний час на пороге собственной комнаты, маленькая плясунья?

В том, кому принадлежит голос, сомневаться не приходилось: это прекрасный длинноволосый мужчина почтил своим присутствием второй этаж. Я точно знала: услугами девочек из гостиницы он никогда не пользовался – все его визиты ограничивались разговорами с папой за закрытыми дверями. Однако же что-то привело его туда, где находилась моя комната, только

вот что? Задать интересующий меня вопрос я так и не решилась: все же внешний вид гостя не позволял обращаться к нему напрямую, да еще женщине. Пусть во мне и скрыто было неизвестное предназначение, еще долгие годы предстояло жить жизнью обычного человека. А обычная дочка хозяина гостиницы и помыслить не могла о том, чтобы первой заговорить со знатным господином. Так что мне не оставалось ничего иного, кроме как ответить на его вопрос.

– Доброй ночи, господин Риндо. Мне не спалось, и я решила попить воды из кувшина, что стоит на окне в конце коридора.

Мужчина с белоснежными волосами, образующими за спиной прекрасное облако, тонко улыбнулся:

– Кажется мне, ты немного лукавишь, девочка Мэй. И просто услышала мои шаги, а потом не смогла побороть любопытства.

– Простите мою дерзость, господин. Я и правда услышала вас, – сложив ладони перед собой, умоляюще посмотрела я на друга отца. – Я не имела ни одной дурной мысли за душой. Просто хотела еще раз прикоснуться к волшебству.

– К волшебству? – казалось, им овладело неподдельное изумление.

Я осторожно кивнула, боясь вызвать его гнев:

– Сегодня на закате ваши волосы светились в лучах заходящего солнца так, словно летающие с аотамы лепестки отживших соцветий. Я до сих пор не могу забыть это поистине волшебное зрелище. Простите мне своеволие, молодой господин. Я буду до конца дней корить себя за полет мысли.

– Не стоит, маленькая Мэй, – Риндо улыбнулся снова, и черты его лица невыразимо преобразились. – Мне лестно и приятно слышать твое откровенное восхищение. Не потому, что ты очарована, а потому, что говоришь без прикрас о том, что видишь. Взгляд ребенка поистине загадочен, но это и взгляд, наиболее близкий к истине. Я от всего сердца благодарю тебя за откровенность.

Я зарделась от лестной похвалы, опустив голову в страхе, что даже в темноте коридора мужчине станет виден охвативший мои щеки румянец. Потому и не заметила, как он снова взял в свои одну из моих ладоней. Когда же я подняла глаза, мужчина уже присел на корточки и пылливо смотрел на меня.

– Мэй, скажи–ка мне, маленькое сокровище: какие подарки ты любишь? Твой отец обмолвился, что скоро у тебя девятый день рождения, и светлому ребенку я хотел бы подарить что–нибудь в память о себе.

– Что вы, господин! – испуганно воззрилась я на него. – Мне ничего от вас не нужно! Я запечатлела в памяти картину ваших волос на ветру, и это все, о чем я могла только мечтать...

– Возможно, у тебя есть предпочтения в виде игрушек, Мэй? – не отставал Риндо, и я смущенно опустила голову снова.

– У меня нет их, господин. Пока гостиница приносит больше убытков, чем прибыли, я не могу и помышлять о том, чтобы папа и мама стали тратить на столь дорогое удовольствие.

– Ну а с деревенскими ты хоть изредка общаешься? – казалось, моя печаль передалась и ему.

– Я не прижилась среди детишек деревни, господин, – со вздохом призналась я. – Они обходят меня стороной, когда мы с папой посещаем открывшуюся ярмарку.

– Это грустно, Мэй, – тихо произнес Риндо, а в следующее мгновение взял в плен и вторую мою руку. – Твоя кожа груба и надтреснута, словно ты работаешь не покладая рук, и ты застенчива и мудра не по годам.

– Я хочу помогать папе с мамой во всем! – с жаром ответила я. – Они самые лучшие родители в мире, господин!

– Но они совершенно забывают о том, что у них растет нежный и ранимый цветок, маленькая Мэй, – светлая улыбка коснулась губ мужчины. – И что ему тоже нужны уход и забота.

С этими словами мои кисти охватило светло-голубое сияние, а когда я попыталась вырвать их из рук Риндо, он остановил меня еле заметным качанием головы.

– Это исцеляющая магия, девочка. Твои ручки никогда больше не будут знать грубой кожи.

– Вы...рёкай? – боясь, что за мое самоволие молодой господин может рассердиться, на свой страх и риск спросила я.

По его губам скользнула довольная улыбка:

– Негоже будущей молодой госпоже обвинять гостей хозяина в связях с колдовством.

Мне захотелось объяснить свои выводы, во что бы то ни стало:

– Просто...будь вы тайлуном, мама Кюрюко никогда бы не сказала и слова против вас.

По его лицу пробежала тень печали:

– Как бы ни защищал меня твой отец, маленькая Мэй, твою мать я однажды смертельно обидел. И она имеет полное право так относиться ко мне. Но тогда иного выхода не было: либо взять на душу тяжелую ношу греха, либо... впрочем, маленьким детям не стоит узнавать на ночь глядя страшные сказки прошлого, – снова улыбнулся беловолосый мужчина. – Я не рёкай, девочка. Я...более древний и могущественный.

Мой рот непроизвольно раскрылся от потрясения. Что же это, молодой господин оказался демоном?! Таким же демоном, как и мой светлый папочка? Риндо, однако, тему эту развивать явно не собирался, а потому снова посмотрел в мои глаза, будто пытаюсь заглянуть в душу:

– Итак, маленькая девочка Мэй, я ведь до сих пор не услышал, какой бы ты хотела получить подарок от доброго друга твоего отца.

– Вы не обязаны делать этого, господин Риндо. Одним своим присутствием вы уже сделали мне подарок.

– Мэй, – в его голосе зазвучала укоризна. – Я скоро покину Рассветный Край, Мэй. И я хотел бы, чтобы ты всегда обо мне помнила.

– Тогда... – набралась небывалой храбрости я, – подарите мне что-нибудь, о чем думаете, когда рассуждаете о своей жизни. Что-нибудь такое, что олицетворяло бы самую вашу суть.

– Ты поистине ребенок с взрослым взглядом на жизнь, Мэй... – шумно вздохнул мужчина, а затем свет снова заполнил его ладони. Когда же сияние потухло, я второй раз за вечер не смогла сдержать лица: в руках раз и навсегда потрясший мое воображение мужчина держал маленького белого лиса. Тот помотал смешной очаровательной мордочкой, будто пробуждаясь от долгого сна, и с любопытством уставился на меня своими глазками-бусинками точь-в-точь такого же цвета, как и у самого Риндо. Демон, сделавший мне подарок, тем временем произнес:

– Это дух свободного лиса. Но будь осторожна, маленькая Мэй: он не доррон, он коттай и может принести окружающим не только хорошее, но и боль, и обиду, если кто-то вдруг решит пойти к тебе с дурными намерениями. Поцелуй его в мохнатую мордочку, Мэй, – велел мне Риндо, и я последовала его совету, когда доверчивый лисенок легко перепрыгнул мне на руки. – Это единственно возможный способ сделать коттая подвластным тебе. Когда твоя сущность изменится, не забудь привязать лиса снова. И дай ему имя – тогда он всюду будет следовать за тобой.

– Касу, – не раздумывая, выдохнула я, снова наблюдая волшебство: малыш засветился и, облизнувшись, тут же устроился у меня на руках с одной лишь целью: продолжить спать дальше.

– «Свободный ветер», – верно истолковал прозвище Риндо. – Спасибо, Мэй. Боюсь, мне пора покидать тебя, маленькая плясунья.

От звука последних его слов всем моим существом овладела невыразимая печаль. Но я не имела никакого права показывать, сколь глубоко ранит меня это обстоятельство. Первое и самое главное правило гостеприимного хозяина гласило: встречай и провожай дорогого человека с улыбкой на душе и сердце, и тогда он обязательно к тебе вернется. И я последовала этому правилу. Улыбке моей могли бы позавидовать все.

– Мэй? – ладонь Риндо оказалась на моей щеке, заставив померкнуть улыбку. Сам он смотрел на меня с невыразимой печалью в глазах.

– Да, господин Риндо? – с готовностью ответила я, думая, что ему в последний миг потребовалась услуга.

– Пообещай мне одну вещь, Мэй...

– Какую? – не подумав, быстро спросила я.

– Никогда не влюбляйся в меня, Мэй.

– Обещаю...

Улыбнувшись на прощание, Риндо покинул меня. Из дома он выходил, не оборачиваясь, под покровом глубокой ночи, а потому не знал, что я притаилась на крыльце и провожала его взглядом. Не догадывался он и о том, что я солгала первый раз в жизни.

ГЛАВА 2. ДЕВОЧКА СТАНОВИТСЯ БОГИНЕЙ

Свой первый настоящий подарок я получила вместе с мамой Кюрюко спустя пять лет. К тому времени наши дела пошли в гору, и наконец–то жители Драгоценного города – ближайшего к нашей гостинице крупного поселения – стали останавливаться в «Ветре в поле». Слишком долго находились мы среди них, чтобы продолжать игнорировать чужаков. Даже люди из деревни начали принимать нас гораздо приветливее: не было больше косых взглядов в спину, когда мы с папой Бундо ходили на ярмарку, не было осторожных разговоров с торговцами, будто те опасались, что мы принесем с собой беду. Так уж повелось в Рассветном Крае: к нововведениям относились с чрезвычайной осторожностью. Многолетний уклад и общественные устои – вот то, на чем зиждились мир и покой. Для меня, однако, это время стало началом затворнического периода.

Я знала, кто я такая и почему должна вести себя примерно. Человеку, наполненному энергией и демонов, и богов, следовало однажды выбрать свой путь, иначе он рисковал погибнуть во цвете лет, не сумев справиться с величием подаренной ему силы. Папа с мамой никогда не скрывали от меня, как именно я появилась у них, как не скрывали и того, что всю жизнь находиться на распутье я все равно не смогу. Однажды придет день, и в двери «Ветра в поле» зайдет тот, кто скажет: «Девочка, я пришел за тобой», – и я безропотно должна буду подчиниться его воле. Если к нам придет бог с добрыми помыслами, то после проведенной с ним ночи и я обернусь богиней. Но если зайвится демон... мне не стоило объяснять, почему мама с папой были категорически против такого варианта развития событий: в их сердцах и мыслях все еще господствовали воспоминания более чем десятилетней давности. Воспоминания из того дня, когда я второй раз появилась на свет...

Вот почему папа все реже брал меня с собой на прогулки: деревенские мальчишки начали приглядываться ко мне, а те, кто постарше, или уже ставшие совершеннолетними, и вовсе оценивающе рассматривать. Мне, глупой девчонке, это внимание льстило – слишком мало посетителей с детьми останавливалось пока в «Ветре», а общения со сверстниками хотелось безумно – а вот папа каждый раз хмурился, глядя на то, как пытаются привлечь мое внимание подростки противоположного пола. Все было просто: человеческая природа. У таких полукровок, как я, первый мужчина не мог быть обычным человеком. Я ничего не могла с этим поделать: сейчас, пока моя сила заключена в смертном теле, я была лишена права голоса. А папа и мама очень хотели, чтобы оно у меня появилось.

Я злилась. Эта черта характера начала проявляться, когда из девочки я стала превращаться в девушку. И когда, соответственно, усилился родительский контроль. Нет, против слова взрослых я не смела пойти, все же растили меня в атмосфере любви и счастья, и отца с матерью я бесконечно уважала, но некоторые ограничения порой вызывали на глазах горькие слезы. И я закрывалась в своей комнате, и тогда моя печаль была видна только Касу: в такие моменты он с сочувствием смотрел своими большими серыми глазами и вздыхал, когда у меня случались особенно жалостливые всхлипы. Как же я любила маленького коття: с годами он не менял своего воплощения, оставаясь все тем же небольшим снежно–белым комочком шерсти, беззаветно преданным своей молодой хозяйке. Я бережно обнимала маленькое чудо, пусть и было оно порождением злого мира духов, и всегда чувствовала себя лучше, стоило ему лизнуть меня в мокрую от слез щеку. Постепенно под влиянием Касу я всегда приходила к одному и тому же выводу: все, что ни делает отец, он делает в моих интересах. А значит, я должна тренировать свое смирение, поскольку с возрастом перестаю быть той восторженной девочкой, которая во все глаза смотрела на него.

Иногда мне казалось, что сам Риндо разговаривает со мной через Касу. Наверное, действительно лишь казалось, поскольку мужчина с тех пор, как подарил коттая, у нас больше не появлялся. Я видела, как порой с грустью смотрит на дорогу, ведущую к «Ветру в поле», отец, и знала: он ждет именно Риндо и в глубине души тоскует по лучшему другу. Мама Кюрюко лишь тяжело вздыхала, когда отец уходил в себя, но ничего не говорила. Она, в отличие от меня, постигла главную женскую истину – слушаться своего мужа – в совершенстве.

Я тоже грустила по мужчине с длинными белыми волосами. Сейчас, когда выросла, я стала воспринимать нашу первую – и, к сожалению, последнюю – встречу с Риндо совершенно по-другому. Тогда я во все глаза наблюдала его магию – сейчас думала о том, как бы еще раз почувствовать его прикосновение, тогда радовалась подарку в виде лисенка – сейчас...сейчас ловила себя на мысли, каково было бы оказаться рядом с моим знакомым незнакомцем. И пусть я пыталась, как могла, гнать от себя романтический образ мужчины, день ото дня желание вновь увидеть его лишь крепло во мне. Быть может, в какой-то степени именно воспоминания о белоснежном друге отца охраняли меня от чужих посягательств: как бы ни хотела я общаться с мальчиками, близкими по возрасту, в любом из них я пыталась разглядеть именно Риндо – и, конечно, не находила. Но это продолжалось до того момента, пока в деревне рядом с нами не появился новый сапожник.

О том, что приехал мастер по ремонту обуви, папа сообщил во время одного из возвращений домой. У меня как раз прохудилась одна пара сандалий, и ее необходимо было починить. Раньше мы как-то справлялись своими силами, теперь же появилась возможность заплатить за то, чтобы обувь привели в порядок еще и качественно. С этими мыслями мы с папой и отправились в деревню.

Мастер не произвел на меня никакого впечатления. Я просто с дежурной улыбкой передала ему требующую починки пару и вслед за папой отправилась к выходу из небольшого домика, отданного под мастерскую, как вдруг в дверях показалась белокурая голова, один вид которой заставил мое сердце пропустить удар и застыть на месте, как вкопанной. Конечно, это не был Риндо. Вошедшим к сапожнику оказался его сын, который, судя по внешнему виду, был на несколько лет старше меня. Приглядевшись к нему, я поняла, что ничего общего с терзающим мысли мужчиной он не имеет. Однако моя первая реакция не укрылась от юноши, и он ответил на нее заинтересованной улыбкой. Мы не проронили ни слова в тот раз, но отец строго отчитал меня по возвращении домой, обвинив в легкомысленности и желании стать доступной. Ох, и как же я рыдала тогда у себя, прижимая к груди Касу, и даже появившийся в моей комнате Кокки, священный доррон нашей гостиницы, не смог меня успокоить. Но итогом той, самой первой серьезной стычки с отцом, стало только то, что мальчика, сына сапожника, я запомнила до мельчайших подробностей: и то, что доходила я ему едва ли до плеча, и его интересные карие глаза, выделявшиеся на бледном лице, и добрая улыбка, в которой в ту пору я не заметила примеси самодовольства. Но с папой я не разговаривала неделю – ровно столько длился его урок послушания, во время которого все время, что не было посвящено обучению и приемам пищи, я была вынуждена провести у себя. По окончании же этого срока он и принес в дом мой первый подарок.

Я не решалась открыть маленький сверток, который протянул мне отец, возвратившись из Драгоценного города. Блуждающая по его лицу рассеянная улыбка нехорошо кольнула сердце, хоть он и старался держать себя в руках. А потому, чтобы не подливать масла в разгорающийся огонь собственного любопытства, я сделала вид, что хочу вначале насладиться реакцией старшей женщины в доме на подношение папы. Им оказалась юката, взяв в руки которую, мама залилась горячими слезами, упав в ноги папы Бундо. Я понимала ее: такая одежда была для нас на вес золота. В самом начале пути мы не смели и думать о том, чтобы иметь в запасе несколько комплектов платьев или домашних халатов, и до сих пор мама трепетно относилась ко всему, что лежало близко к ее коже. Я улыбнулась, глядя, с какой неловкостью папа подни-

мает с колен растроганную женщину, и в который раз порадовалась тому, насколько дружную они с мамой образовали семью.

Что-то царапнуло меня по плечу. Поежившись, я поняла, что это появился Касу и запустил в меня свои небольшие коготки, требуя внимания. Взглянув на лисенка, я узнала, что именно привлекло его внимание: мой сверток все еще лежал в ладонях нетронутым. Кажется, коттай во что бы то ни стало хотел увидеть содержимое. Погрозив ему пальцем, чтобы больше не оставлял на мне увечий, я со спокойной душой принялась открывать свой подарок. И застыла, рассматривая утонченную заколку в виде цветка на тонкой серебристой спице, предназначенную для прически с узлом из волос. От основания цветка вниз спускались три изящные нитки с прозрачными камнями, и я отчего-то не сомневалась в том: они настоящие.

– Это...от нас с Риндо, – наконец проговорил отец, довольный моей реакцией и, тем не менее, продолжающий улыбаться с толикой грусти. – Я внезапно пересекся с ним в Драгоценном городе, и он просил передать привет малышке Мэй.

– Что же ты не пригласил его в гости, отец? – я не знала, смеяться или плакать: ведь тревожащий мысли мужчина, выходит, тоже не забывал обо мне все это время! Но и с отцом он не пришел...а значит, произошло что-то из ряда вон выходящее. Или...или это и была причина папиной грусти?

– Риндо...боюсь, мы теперь нескоро увидим его, милая, – заметно грустнея и склоняя голову набок, проговорил отец.

– Что-то случилось? – с тревогой спросила мама, и папа незаметно кивнул ей, не решаясь распространяться при свидетелях.

Мать жестом отослала меня на второй этаж, не проверяя, тем не менее, выполнение своей просьбы, и это позволило укрыться на той части лестницы, откуда тихий разговор родителей можно было подслушать.

– Что? – было единственным произнесенным ею словом.

– Алый демон, – то ли прошептал, то ли простонал папа, и я увидела, как мать в ужасе прикрывает рукой рот, а глаза ее, и без того большие, расширяются еще сильнее. – Его взял в услужение Алый демон...

Плечи отца после этих слов горестно поникли, и мать не стала усложнять момент словами: просто подошла ближе и со спины обняла папу Бундо, уткнувшись носом в его предплечье.

– Отдохни с долгой дороги, – наконец вымолвила она, будто и не было страшных, но совершенно непонятных мне слов об Алом демоне и службе на него. – Выйди на крыльцо и подыши свежим воздухом. Пусть аогама и не цветет уже, ее дух очистит твой собственный. Я принесу успокаивающего чая, дождись меня.

Отец молча кивнул и последовал маминому совету. Она же, бережно сложив юкату, отправилась сначала на второй этаж, чтобы устроить ее в их с папой комнате, и я постаралась благополучно оказаться у себя до того момента, как мама обнаружит мое присутствие на лестнице. Однако, аккуратно прикрывая дверь, я услышала ее тихий зов:

– Мэй, следуй за мной на кухню.

Я безропотно повиновалась, ибо подобные надтреснутые нотки в ее голосе слышала впервые. И не прогадала: мать собиралась приоткрыть мне часть своего прошлого.

– Было время, и эти двое мужчин – Алый демон и Риндо – слыли настоящими легендами в Рассветном Краю. Легендами, о которых не принято говорить в уважающих себя семьях и поселениях. Потому что эти двое, реализуя собственные забавы, уничтожали все на своем пути и оставляли после неисчислимые жертвы. И если Риндо однажды удалось поймать и обратить в услужение силам добра, то Алый демон не пожелал подобной участи и сбежал. Теперь же ему каким-то образом удалось взять над Риндо контроль...боюсь, моего любимого Бундо это

может серьезно подкосить. Смотри и запоминай, Мэй: если вдруг меня не станет, эту настойку будешь давать отцу именно ты.

– Мама, что ты такое говоришь? – ужаснулась я.

– На всякий случай, стоит готовиться к худшему, – спокойствию матери я могла только позавидовать. – Смотри, Мэй: дважды я показывать не буду.

Обычный травяной чай от двух капелек тягучей жидкости из флакона темного дерева, который мама достала из рукава, приобрел еле уловимый цветочный аромат.

– Это успокоит отца и заставит притупиться тяжелым мыслям, – пояснила мама, ставя чашку с напитком на маленький поднос и готовясь нести ее на крыльцо. – Как бы ни относилась я к Риндо, дружбы с отцом это никогда не должно касаться, Мэй. Помни это, когда в следующий раз повстречаешься с белым смерчем.

Она впервые так называла Риндо. Я постаралась запомнить это прозвище, хотя оно ни о чем мне и не говорило. Но я, романтическая наивная девчонка, хотела знать обо всем, что, так или иначе, было связано с этим человеком. Хотя человеком ли? То, как говорила о нем мама, совершенно не вязалось с отпущенным людям сроком жизни.

Я помогала маме, открывая двери, ровно до того момента, как она не ступила на крыльцо. Но и затем не смогла побороть желания услышать продолжение их разговора.

– Прости меня, Кюрюко, что заставляю так много и не по делу нервничать, – голос у отца был все таким же грустным. – Я знаю, что в этот чай ты добавляешь специальные травы, чтобы я меньше думал о Риндо. Прости, что лишний раз напоминаю тебе о нем...

– Тебе не за что извиняться, Бундо, – в ответ возразила мама, и в ее интонациях мне почудилась успокаивающая морская прохлада. Неужели решила применить влияние дара суккубы? – Мы были там вместе, просто ты видел немного больше. Оттого–то я и не смогу принять твоего друга таким, каким видишь его ты. Но твои печали – это мои печали, ты ведь знаешь, я готова разделять их с того момента, как мы решили жить одной судьбой на двоих. Так позволь немного сгладить их тем способом, который мне известен.

Они замолчали, и я покинула свой опорный пункт. Сердце тревожно билось. Мне обязательно нужно было узнать историю Алого демона...но для посещения библиотеки я все еще не подходила по возрасту. Собственное бессилие так выжигало изнутри, что бороться с этим я не могла совершенно. И лишь оставшаяся в руке заколка приятно холодила кожу, хоть немного приводя меня в состояние покоя. Подарок Риндо...второй жест внимания, который я никогда не смогу позабыть!

Прогнозам не суждено было сбыться: Риндо объявился у нас спустя год, когда папа был в отъезде. Хотя, не встречай я его раньше, никогда не признала бы в оборванном окровавленном мужчине, заползшем в дом с черного хода, того самого человека, что занимал все мои свободные мысли. За Риндо словно гналась сама смерть. И начать спасать его из лап неминуемой гибели было суждено именно мне.

Справиться с наплывом эмоций не получилось – я испуганно закричала, стоило обессиленному мужчине в лохмотьях вместо одежды завалиться на пол рядом с порогом. На вопль сбежались все обитатели гостиницы, и вперед выступила мама. Оглядев раненого критическим взглядом, она оттащила меня назад, подальше от темноты коридора, и, приняв серьезный вид, обратилась к девочкам:

– Кто готов заняться исцелением дорогого друга семьи? Двойная оплата – и это помимо моей бесконечной благодарности.

– Откуда такая щедрость? – недоверчиво протянула Сеюрин, одна из маминых суккуб.

– Это необычный гость, – ответила мама. – И обслуживать его придется по высшему разряду.

Смысл ее слов дошел до меня не сразу. В том, что придется обмывать абсолютно все раны Риндо – а их было немало, судя по тому количеству крови, что медленно заливала пол

– я не сомневалась, но у слов мамы был дополнительный подтекст. И то, что предложение было высказано именно женщинам...нет, я не хотела верить в то, что неминуемо должно было последовать далее. Из толпы девушек выделилась Маюко – высокая и статная огненноволосая красавица, одна из лучших в маминой свите:

– Я займусь им. Даже раненый он неожиданно вкусно пахнет. Несите его в мою комнату.

Подошел повар и, совершенно не боясь того, что окажется испачканным в крови Риндо, подхватил истерзанное тело мужчины. Сложения наш демон был плотного, так что ноша не доставляла особого труда. Вскоре, сопровождаемый Маюко, он скрылся на лестнице, ведущей на второй этаж.

– Сеюрин, приберись здесь, как следует, – велела мама, словно не замечая, как поморщилась от ее слов суккуба. Затем схватила меня за руку и потащила прочь из коридора.

– В комнату Маюко – ни ногой! – зашипела на меня она, словно опасаясь того, что я пренебрежительно отнесусь к запрету. – Сиди, закрывшись, пока этот... – она не договорила, брезгливо поморщившись. – Не придет в себя!

Кто знает, как на самом деле относилась к Риндо мама, но в отсутствие отца она не считала нужным скрывать неприязни. Она лично проследила за тем, чтобы я вошла к себе в комнату и закрыла за собой дверь. И пусть порог Маюко находился от моего достаточно далеко, я все равно припала к стене жилища в надежде услышать хоть какой-нибудь звук, доносящийся из ее комнаты.

Вскоре сидеть и ждать у моря погоды мне откровенно надоело, к тому же сильно захотелось пить, и я вышла наружу, чтобы дойти до конца коридора и налить из стоящего на небольшом столике кувшина воды. Путь мой пролегал мимо комнаты Маюко, я, памятуя запрет мамы и ее строгий вид, не решилась остановиться и прислушаться. Судьба сама распорядилась моей жизненной дорогой. Из комнаты показалась огненная голова суккубы, а потом ее тонкий пальчик поманил меня к себе:

– Не бойся, Мэй. Господин заснул и пока пребывает в стране грез. Раны его медленно, но все-таки затягиваются. Мне нужно отойти ненадолго, но я боюсь оставлять его одного. Сможешь посидеть рядом, пока я не вернусь?

– Но мама запретила мне приближаться к нему, – нерешительно промямлила я. Более глупого повода не видется с Риндо я не могла найти.

– А мы ей не скажем, – подмигнула мне Маюко. – Заходи, здесь нет ничего страшного. Только, пожалуйста, не падай в обморок от обнаженной мужской груди, хорошо? – предупредила меня она, видя, как сомнения тают с каждым новым мгновением. Я хотела увидеть Риндо. И пусть Маюко думает, что это только из-за желания помочь ей.

При мысли о том, что я увижу Риндо не в привычном гостевом одеянии, мои щеки опалил румянец. Маюко понятливо усмехнулась:

– Ну же, Мэй, не раздумывай. К тому же, совсем скоро и тебе предстоит испытать это ощущение. А сейчас будет неожиданный повод познакомиться поближе. Мне правда срочно нужно отойти. Но я обещаю вернуться поскорее.

Я нерешительно кивнула, и суккуба ласково потрепала меня по голове:

– Спасибо тебе большое! Ты настоящий светлый дух.

С этими словами меня втянули в полумрак комнаты, а сама женщина ее пределы покинула. Впрочем, искать Риндо не пришлось: фuton Маюко, на котором расположили гостя, находился неподалеку. Когда глаза привыкли к рассеянному сиянию единственной свечи, я различила, что лучший друг папы неподвижно лежит на спине посреди постели. Он действительно был не одет, но нижнюю часть тела скрывала плотная простыня. Аккуратно передвигаясь, чтобы не создавать лишнего шума и не разбудить отдыхающего, я приблизилась и устроилась на краешке кровати, отмечая про себя следы от режущих ран на его руках и груди. Особенно большой – широкий, темный, внушающий ужас – остался в районе сердца, и я с трепетом поду-

мала, что кто–то всерьез пытался прекратить существование Риндо. Кто же он такой? Подобные раны давно разорвали бы связь человека с жизнью. То, что Риндо не являлся простым смертным, одновременно и обрадовало меня, и причинило страдания. С одной стороны, этот факт гарантировал выздоровление мужчины, с другой – не являясь богом, Риндо никогда бы не смог претендовать на место рядом со мной. Кем же он был, этот странный и загадочный блондин?

Рука сама потянулась к его груди, но, вовремя одернув себя, я заставила кисть пропутешествовать чуть дальше, опуская ее на покрытую испариной кожу лба. Риндо был напряжен, его организм все еще пытался сражаться с болезнью, вызванной многочисленными ранениями. Как бы мне хотелось облегчить все его страдания. Как бы хотелось узнать, кто же был виновником случившейся трагедии, и воздать ему по заслугам! Несправедливо было подвергать такую красоту опасности...

Пальцы с удовольствием окунулись в мягкость светлых волос, которые Маюко, скорее всего, уже успела помыть. Она расчесала длинную шевелюру Риндо и осторожно уложила на свободной части подушки, и я невольно залюбовалась естественной красотой мужчины, которому по неосторожности все же отдала сердце. Он никогда об этом не узнает. Никогда. И пусть этот миг останется только в моей памяти, я навсегда сберегу его как самое желанное воспоминание.

А это что такое? Пальцы неожиданно натолкнулись на холодный металл цепочки, опоясывающей шею Риндо. Заинтересовавшись, я решила огладить ее грани, чтобы удостовериться, что ее наличие мне не показалось. В голову закралась тревожная мысль: это могло быть не чем иным, как рабским ошейником. Неужели? Неужели?! Да кто же ты такой, Риндо!

Додумать мысль я не успела. Мир перевернулся в мгновение ока. Теперь не я, а мужчина разглядывал меня сверху донизу, прижав к кровати и щекоча упавшими со спины длинными волосами. Я даже испугаться не успела, как оказалась на постели на обеих лопатках, осознавая, что с каждой минутой лицо Риндо становится ко мне все ближе и ближе, а сам он опускается на меня, чтобы лишить возможности передвигаться окончательно.

– Ри... – прохрипела я от волнения, но это были единственные звуки, сорвавшиеся с моих губ. В следующее мгновение их настиг поцелуй Риндо.

Он не был со мной ни нежен, ни ласков. Настойчивые губы терзали меня, заставляя кожу зудеть в тех местах, где опускались. Проворные руки, развязав пояс юкаты, распахнули ее полы, а затем прошлись по изгибам тела, так что я отчаянно пискнула:

– Риндо!

Он поднял голову и уставился на меня затуманенными глазами, не узнавая и не давая отчета в своих действиях, и только с губ его сорвалось прерывистое:

– Вкус–с–с–ная...

Что–то проснулось внутри, древнее, сильное. Опасное. И отчаянно ринулось к тому, кто сейчас сжимал меня в объятиях. Я навсегда запомню это выражение его лица: сжатые веки, трепещущие от моего запаха ноздри, раскрасневшиеся от азарта щеки и блуждающая улыбка, свидетельствующая о том, что он принял меня почти на животном уровне. Когда же глаза его вновь распахнулись, он перевел взгляд на меня, и в нем промелькнуло почти осмысленное выражение. Нет! Если этому суждено случиться сейчас, я не стану послушной куклой в его руках. Лишь подумав об этом, я выпустила наружу чувство, что никогда не давало мне позабыть о Риндо. То, которое раз и навсегда закрепило его моим единственным мужчиной. К демонам предупреждения. Только рядом с ним я чувствовала себя живой.

Я с силой притянула его за шею, начав неумело, но страстно целовать и чувствуя ответную реакцию Риндо. Жаль, что осуществить задуманное нам так и не позволили.

То, что в комнату зашел посторонний, я почувствовала сразу же, как дурман испарился из мыслей. В ужасе уставилась на дверь, но обнаружила там лишь Маюко. Хотя огненноволосая

совсем не была на себя похожа: она распустила пояс юкаты и позволила ей сползти на одно плечо. И улыбалась при этом так, как не позволяла себе за пределами комнаты: искушающе, зрело, привлекательно.

– Господи–и–и–н... – медленно протягивая слова, будто пробуя их на вкус, сказала она. – Я вернулась...

Риндо приподнялся надо мной и вновь втянул ноздрями воздух. И выдохнул с каким-то мученическим стоном, до боли сжимая и вызывая желание оттолкнуть его.

– Господин, ну зачем тебе этот невинный цветок? – между тем продолжила Маюко, не меняя выражения лица. – Я ведь здесь, с тобой, и я готова разрешить тебе абсолютно все.

С этими словами она скинула юкату одним движением, оставаясь полностью обнаженной. Риндо повернул голову в ее сторону и в следующее мгновение, словно ошпаренный, метнулся к суккубе. Маюко издала довольный стон, а затем в упор посмотрела на меня. И пусть лицо ее по-прежнему сохраняло сладострастное выражение, в глазах появился холод, и слова, сорвавшиеся с уст, звучавшие сладким сиропом, отрезвили меня окончательно:

– Я призвана, чтобы услужить тебе сегодня, господин. А маленькую госпожу мы отправим восвояси, да?

Риндо на миг оторвался от девушки и с сожалением выдавил:

– Вкус–с–с–ная...

– Я тоже вкусная, господин, – суккуба обхватила ладонями голову Риндо, ласково погружая пальцы в его густые волосы. – А маленькую госпожу надо оставить в покое. Маленькая госпожа, – она вновь посмотрела на меня, – сейчас осторожно поднимется с кровати, запахнет юкату и тихо выйдет отсюда, отправившись обратно в свою комнату, чтобы продолжить спать, будто ничего и не было. А мы с вами, господин...

Я прекрасно услышала завуалированный приказ Маюко, вскочив с кровати и делая то, что она мне велела.

– Ну же, Мэй, проваливай отсюда... – сквозь стон выдохнула она, чтобы не переключать внимание Риндо на меня снова. – То, что здесь должно случиться, не для твоих глаз, малышка!

Я стояла на месте, как вкопанная, чувствуя, как с каждой новой лаской, даримой устами Риндо Маюко, что-то умирает в душе. Я не могла пошевелиться, отчаянно пытаюсь не верить тому, что творилось перед моими глазами.

– Ну же! – внезапно рявкнула суккуба, приводя меня в чувство и одновременно не давая отвлечься от себя. Когда я стремглав вылетала из комнаты, Маюко, лежа на футоне, уже привлекала Риндо к себе.

Снаружи я припала плечом к злосчастной двери, чувствуя, как тихо плачет душа. А когда раздался слаженный довольный стон Риндо и Маюко, я поняла, что непоправимое случилось. Дальнейшие звуки, доносящиеся изнутри, слились для меня в один непрекращающийся кошмар. Не в силах сделать ни шагу, сползла по стенке вниз и затихла у входа, беззвучно рыдая оттого, что любимый мужчина сейчас творил в комнате с абсолютно незнакомой женщиной. Маюко стонала в голос и призывала его к продолжению. Со стороны Риндо я слышала почти животный рык, после которого суккуба иногда начинала кричать. И что смешивалось в ее голосе – боль, наслаждение или все сразу – я не взялась бы говорить. Внутри меня все сжалось от боли, а раненое сердце кровоточило, готовясь окончательно остановиться.

– А ты что тут делаешь? – раздался над моей головой резкий голос мамы Кюрюко.

Я встрепенулась, поднимая на нее испуганные глаза и становясь на ноги. Ей не нужно было ничего объяснять: мой неопрятный вид, наспех завязанная юката и зареванное лицо сказали все, что нужно. К тому же, из комнаты Маюко вновь донесся сладострастный стон. Мама никогда не била меня. Этот раз стал первым.

Я упала на пол – так сильно замахнулась мама Кюрюко, чтобы без слов сказать все, что она обо мне думала. Щеку опалило огнем, а потом начало жечь, с каждым новым мгновением

распространяясь по коже все дальше. Я метнула в сторону главы дома взгляд, полный чувства несправедливости, но натолкнулась лишь на пару холодных и отточенных клинков.

– Моя дочь – падшая женщина, – чеканя каждое слово, произнесла она брезгливо. – Мне стыдно, что мы с отцом так плохо воспитали тебя.

Воспитали? Меня? Плохо?! Выслушивать обвинения было выше моих сил. Я рванулась, вскочила на ноги и понеслась прочь от матери, и даже ее сдавленный ох не смог остановить меня. В неопрятной юкате, с растрепанными волосами я пронеслась на первый этаж, чтобы выбежать в прохладу ночи – подальше от осуждающего материнского взгляда, подальше от внезапно ставшего тесным отчего дома. Подальше от комнаты, где мужчина, которому я подарила сердце, получал наслаждение с другой.

Снаружи нещадно хлестал дождь. Одежда вмиг пропиталась влагой и облепила тело, затрудняя движения, но в меня словно вселился демон, так упорно я бежала вперед. Волосы мокрой волной залепляли глаза, но я откидывала их с лица и продолжала свой путь. Пока, наконец, впереди не заблестели маленькие огоньки деревенских окон. Великий Ёёши, как же далеко я забралась!

Обойдя один из домиков на окраине с задней стороны и прислонившись к нему плечом, я перестала сдерживать рвущиеся наружу рыдания. Я оплакивала все – свою поруганную любовь, свое внезапно закончившееся детство, а также то, что в этой ситуации не получила никакой поддержки от матери. Меня ведь готовили именно к тому, чтобы отдать себя в первый раз необычному мужчине... почему, в таком случае, этим мужчиной не мог оказаться Риндо?

Кто–то схватил меня за плечи, заставив встряхнуться и поднять голову. Как же похож, подумалось мне, когда перед собой я увидела белокурого сына сапожника. Сейчас, в свете одного окна, он особенно напомнил мне Риндо, и слезы потекли с новой силой. Как хорошо, что из–за дождя на коже смешалось все, и было невозможно разобрать, где льется чистая вода с неба, а где – соленая и разочарованная.

Молодой человек смотрел на меня с сочувствием, а потом неожиданно я ощутила с его стороны странный отклик. Что–то похожее было и с Риндо, когда он возвышался надо мной в комнате Маюко. Желание, стремление оказаться ближе, слиться со мной в единое целое... когда незнакомец склонился надо мной, я не нашлась, что ему ответить. А затем меня второй раз в жизни поцеловали. Только вот не было того же дикого восторга, что охватывал меня рядом с любимым блондином.

Молодой человек распластал меня по стене, с каждым новым мгновением сжимая все крепче и крепче, и очень скоро я поняла, как начинает не хватать воздуха. Я сделала попытку вырваться, но в ответ не случилось ни единого движения. Вот тогда–то и пришло мое неожиданное спасение.

Внезапно парень отскочил от меня, зашипев от боли и сжимая прижатую к груди кисть. Что–то серебристое мелькнуло перед глазами, а потом снова прыгнуло на сына сапожника. И лишь когда на щеке того отчетливо отметились две глубокие царапины, я поняла, кто пришел мне на помощь: Касу! Маленький бесстрашный коттай и один из двух дорогих сердцу подарков Риндо.

– Паршивый лис! – молодой человек впервые подал голос, и он совсем не мог принадлежать человеку. – Все равно ты не сможешь вечно защищать ее – теперь и я узнал, что она существует!

Что–то страшное было в его словах. Ну а когда черты лица напротив заострились, я и вовсе закричала: это точно был не сын сапожника. Касу мигом очутился на моем плече, впившись в него когтями и сигнализируя, что нужно бежать отсюда. Я была согласна с маленьким лисенком во всем. Бросившись со всех ног с проклятого места, я понеслась обратно к гостинице папы Бундо. И лишь на середине дороги позволила себе остановиться.

Мне навстречу бежала встревоженная мать. В ее глазах было столько боли и страха, что я мигом позабыла недавнюю горечь и обиды. Когда она распахнула передо мной свои объятия, я шагнула в них, слыша сдавленное «Мэй...» и вновь открывая душу самому дорогому на свете существу. А потом мама принялась покрывать поцелуями мое лицо, будто желая удостовериться, что перед ней действительно стою я.

– Мэй! Все хорошо? Ты не ушиблась? Он не обидел тебя? Скажи хоть слово! Я убью этого лиса!

Снова в обращении к Риндо было допущено это определение, и я против воли запомнила то, как назвал его сначала сын сапожника, а затем и мать. Что бы это могло значить? Неужели я не так усердно изучала древние книги?

– Матушка, он не сделал ничего, поверь мне. Я выбежала из дома, несправедливо посчитав твою пощечину обидной. Прости меня, если сможешь. Я безумно стыжусь своей порывистости...

Чтобы она и думать забыла о Риндо, я бросилась ей в ноги, не обращая внимания на барабанивший сверху дождь. Касу все это время умудрялся ловко менять положение в зависимости от того, что происходило со мной, и сейчас он забрался ровнехонько на середину моей спины. Мама запричитала:

– Мэй, поднимись на ноги, девочка! Пойдем домой, милая.

Вот так, не произнеся больше ни слова, мы и дошли до дома, промокнув окончательно, но странно решив появившиеся между нами проблемы. А потом, уже улегшись в постели, я услышала скрип открывающейся двери.

Он ступал почти неслышно, и я сильно пожалела, что лежала лицом к окну, не имея возможности рассмотреть его. Затем, прощурив одеждой, задышал совсем рядом с моими волосами – так, что я могла чувствовать его теплое дыхание, а подушка прогнулась под весом его головы. Послышался тяжелый вздох – и вымученное признание:

– Прости меня, Мэй... я не должен был этого делать.

Что именно он имел в виду – ночь, проведенную с Маяюко или то, что чуть было не стал меня первым мужчиной – мне так и не довелось понять, поскольку больше Риндо не проронил ни слова. Он затих, и мне показалось, будто он ненадолго провалился в страну грез. Я боялась поворачиваться – чтобы не разрушить очарования момента – и не сомкнула глаз, пока на горизонте не забрезжил первый луч солнца. Вместе с ним Риндо поднялся с постели и покинул мою комнату. Не знаю, видел ли кто-нибудь, как он выходил от меня, но ни слова по поводу этого мне не сказали. Зато мама попросила отнести в комнату Маяюко завтрак и помочь ей с пищей.

– Зачем? – недоуменно поинтересовалась я, не понимая, чем смогу помочь суккубе.

– Сама увидишь, – тихо ответила мать, тем самым давая понять, что разговор окончен. Пока папы не было в доме, все должны были беспрекословно следовать ее указаниям, что я и сделала, осторожно поднявшись на второй этаж и открывая дверь в комнату Маяюко. И ничто не свидетельствовало бы о том, что прошедшая ночь здесь была бурной, если бы не взгляд в сторону самой хозяйки.

Она лежала на кровати с закрытыми глазами и закинутыми на одеяло руками, так что многочисленные синяки, украшавшие кожу и почти не оставлявшие здорового места, стали сразу же заметны мне. Услышав звук входящего посетителя, суккуба устало открыла глаза и, распознав меня, лениво улыбнулась:

– А, бедняжка Мэй, вот и ты пришла навестить старую и больную Маяюко.

– Ты не старая, – машинально возразила я, не подавая вида, насколько испугалась зрелища. Это ведь после ночи с Риндо случилось. Это то, от чего предостерегала меня мать.

– Вижу, ты без лишних расспросов все поняла, малышка Мэй, – снова прикрывая глаза, заметила девушка. – Теперь ясно, почему твой первый раз не должен был быть таким?

Я оставила вопрос без ответа, молча подходя к постели Маюко и ставя тарелку с питательным бульоном на прикроватную тумбочку. Она приоткрыла один глаз, скосив его в мою сторону, и улыбнулась:

– Хорошо–хорошо, маленькая горячка. Тогда позволь дать тебе один совет, который непременно пригодится в будущем.

– Какой?

– Если хочешь, чтобы любимый мужчина стал у тебя первым, не убегай из дома прочь дождливой ночью.

– Что? – осеклась я, понимая, что девушке стал известен факт моего позорного возвращения.

– Пока еще могла ходить, я видела, как вы с госпожой Кюрюко возвращались. Ты горяча и порывиста, маленькая Мэй. Тебе нужно вырасти.

– Он наслаждался твоим обществом, – не выдержав, прошипела я, чувствуя, как дрожат руки. Маюко лишь шумно выдохнула в ответ:

– Когда ты станешь взрослой, то будешь относиться к этому иначе. Быть может, мою страсть он и принимал, но отдавал в ответ, представляя перед собой совершенно другую женщину. Если хочешь его дождаться – будь терпеливой и кроткой, и твоя судьба сама придет к тебе в руки.

– Откуда ты знаешь это? – затаив дыхание, спросила я.

– В пылу страсти он назвал меня именем «Мэй».

А через четыре года Риндо появился снова.

ГЛАВА 3. ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ БОГИНИ

– Господи–и–и–н, – когда дверь ему открыла знакомая огненноволосая демонница, Риндо расслабленно улыбнулся: эта женщина прекрасно поняла, что ему требовалось в прошлый раз, и не натянула ни одной нити привязанности между ними. – Как отрадно видеть вас в добром здравии!

Ох, уж эти искушающие улыбки! Кюрюко ни за что не повела бы себя так – эта суккуба помнила все, до мельчайшей детали. Маюко была совершенно другой по характеру. Риндо дружески подмигнул ей – коттай, как, впрочем, и демоны, были свободными духами – и ласково поприветствовал знакомого:

– Здравствуй, Маюко. И я рад тебе. Надеюсь, твое восстановление прошло без неприятных последствий, – имея в виду свою прошлую несдержанность, добавил он.

– Не волнуйтесь, – заверила его демонница, впуская в жилище. – Меня особенно грело ваше щедрое жертвование. Таких вкусных мужчин я в жизни не пробовала! Желаете повторить? – шепнула Маюко на ухо блондину, помогая избавиться от хаори.

– Прости, Маюко, но сегодня я пришел к другому человеку, – объяснил мужчина, надеясь, что суккуба не обидится.

Напротив: ее глаза загорелись предвкушающим огнем, а губы тронула легкая понимающая улыбка. Ну, еще бы: они оба прекрасно знали, что человек в этом доме может быть только один.

– Позвать хозяина? – проворковала Маюко, начав источать радушие и гостеприимство, будто давая Риндо разрешение на все, что он собирался делать.

– Не стоит, Маюко, – прервал их разговор голос папы Бундо. – Я сам провожу Риндо.

При всех они обменялись лишь приветственными улыбками и традиционным поклоном, оставшись же наедине, тепло обнялись.

– Что привело тебя сегодня? – поинтересовался златокудрый демон, когда коттай разместился на дзабутоне и отхлебнул принесенного Маюко чая.

Риндо поморщился, затем поставил чашку рядом с собой и мрачно произнес:

– За ней идет Алый демон.

Лицо папы Бундо побледнело. Он вмиг постарел на несколько столетий, и глубокая вертикальная морщина прорезала середину лба, стоило протереть его ладонями.

– А боги? – со страданием в голосе проговорил он. – Неужели никто из богов не решился выступить против Алого демона?

– Он планомерно изгонял всех соперников из Рассветного Края, – ответил Риндо. – Ты же помнишь, сколько лет я у него в услужении. Я знаю, о чем говорю. Напитываясь божественной силой, он руководствовался одной лишь целью: расчистить дорогу к Мэй.

– Что же делать? – страдальчески простонал Бундо. – Мы ждали, когда кто–нибудь из них зайдет в гости, а теперь...

– Теперь за ней пришел я, – тихо сказал Риндо, заставляя давнего друга с изумлением взглянуть на него.

– Но ты ведь коттай! – не сдержался инкуб.

– И я древнее любого сверхъестественного существа этого мира, ибо создан богом, – согласился Риндо. – Решение будет зависеть только от Мэй: захочет она быть частью добра или нет. Мы можем надеяться лишь на то, что она почувствует, пусть и малую, но все же искру Ёёни, сотворившей меня.

Демон молчал. Молчал очень долго, чем заставил нервничать обычно невозмутимого Риндо: никогда коттай не видел жизнерадостного друга в столь подавленном настроении. Нако-

нец инкуб словно очнулся ото сна, встряхнув головой, и негромко крикнул, прекрасно понимая, что его тут же услышат:

– Маюко!

Часть сёдзи отъехала в сторону, и мужчинам показалась огненноволосая суккуба:

– Да, хозяин Бундо.

– Приведи сюда Кюрюко и...отправь Мэй в купальню с горячими источниками. Затем помоги надеть фурикодэ и проводи в мой кабинет. И ее комната...должна быть готова.

Маюко с недоверием перевела взгляд с сосредоточенного Бундо на его застывшего товарища, словно не веря тому, что только что услышала.

– Ну! – жестко прикрикнул инкуб, заставляя девушку вздрогнуть, и, покаянно склонившись, она тихо извинилась:

– Будет исполнено, хозяин.

Я видела, как он зашел в гостиницу, еще со второго этажа. Как нежно и ласково с ним обходилась Маюко, несмотря на прошедшие с последней встречи четыре года. Как он деликатно, но непреклонно отказался от ее предложения, тем самым усмиряя вспыхнувшую во мне ревность, и как затем папа отвел его в тишину кабинета. Можно было попробовать подслушать разговор с помощью магии, но папа Бундо непременно засек бы мое ухо и потом, позвав к себе, оттащил бы за настоящее, еще и заставив отрабатывать провинность. Как бы сильно ни было во мне любопытство, я загадала в тот момент, чтобы просто появилась возможность увидеться с Риндо. А потом за мной пришла Маюко.

Следуя за ней к горячим источникам, я все еще не понимала, что происходит. Она молчала, никак не демонстрируя желание поделиться со мной новостями, и лишь следила за тем, чтобы я не задерживалась с купанием. Потом с особой тщательностью помогала надевать фурикодэ – белое, с красивыми большими цветами по всей поверхности ткани – и долго и аккуратно сушила волосы, закручивая их вначале волнами, а затем поднимая к макушке. Что это с ней? Именно тогда мое сердце начало колотиться сильнее.

Вернувшись в дом, мы сразу же проследовали в кабинет отца. Там–то и сбылась моя мечта.

– Ты прекрасна, как цветок аотамы, – гордо улыбнулся папа, посмотрев на меня.

– Отец, вы звали меня, – помня обо всех правилах общения в присутствии посторонних, обратилась я вначале к главе дома. – Господин Риндо, отрадно видеть вас. Мама... – я осеклась, замечая, что мать с покрасневшим лицом, ни жива ни мертва, сидела сбоку от папы.

– Кюрюко, проводи Мэй в ее комнату, пожалуйста, – так, словно и не витала в воздухе напряженность, велел отец.

– Я подожду тебя снаружи, – надтреснутым голосом сказала мать, поднимаясь с места.

– Папа? – теряясь в догадках и переводя взгляд с одного мужчины на другого, позвала я. – Господин?..

Отец тяжело вздохнул, смотря на одного Риндо, и кивнул, будто давая благословение.

– Мэй... – тихо произнес блондин. – Я пришел за тобой.

Кровь прилила к щекам так стремительно, что на фоне белого кимоно смотрелось, наверное, донельзя неприлично. В душе творилось что–то невообразимое: все чувства смешались, но я точно знала, какое из них сейчас верховодит мной. Страх. Страх оттого, что Риндо просто пошутил и сейчас возьмет свои слова обратно. Но он продолжал напряженно смотреть на меня, нервируя еще больше, и мне стоило огромных усилий скрыть дрожание рук. Сжав их в кулаки, я в который раз посмотрела на папу.

– Отец?

– Мама проводит тебя, – повторил он в точности то же, что недавно и маме. Мне не оставалось ничего другого, как подняться и выйти следом.

Мама Кюрюко – все такая же заплаканная и сломленная – ждала меня у двери. Она молча последовала к лестнице, стоило мне только переступить порог кабинета. Видеть мое улыбающееся лицо ей было особенно тяжело, и это сильно омрачило счастье от ожидания встречи с Риндо. Я и представить не могла, что сбудется моя самая заветная мечта. Но что же получается – Риндо бог? Я никогда не замечала за ним высшей силы...но он ведь подарил мне малыша Касу! А кто, как не светлейшие, принес этому миру коттаев?

Когда мы оказались у моей комнаты, а мама решила спешно сбежать, я схватила ее за руку, в первый раз в жизни не позволяя уйти от ответа.

– Мама, что такое? Почему ты так ненавидишь господина Риндо?!

На меня посмотрели полные слез глаза запуганной женщины. Губы ее дрожали, но не из-за того, что могло случиться с ней за непослушание. Она боялась именно за меня.

– Никогда... – прошептала она. – Никогда не смей сама целовать Белую Смерть. Он не знает, что такое любовь, Мэй.

Когда дверь затворилась, мир мой рухнул окончательно. Я не сразу поняла, что обстановка в комнате поменялась за время моего купания. Футон переместили в центр, избавив помещение от лишней мебели и словно акцентируя внимание на том, что здесь должно было произойти. Я совершенно позабыла о том, что должна была разоблачиться перед приходом Риндо, и на негнущихся ногах отправилась к окну. Пожалуй, увидь меня кто-нибудь снаружи, подумал бы, что сверху на него смотрит дух умершей в этом доме женщины.

Я и правда в какой-то степени попрощалась с частью своей души. Быть может, просто повзрослела? Не иначе, ведь воспринимать скорый приход мужчины, который станет у меня первым, я стала с непривычной безучастностью. Как еще можно было смириться с тем, что я полюбила того, кто более десяти лет назад хладнокровно расправился с моей семьей?..

Да, я знала эту страшную сказку. Сказку – потому что, вопреки всем законам бытия, она не закончилась смертью. Потому что, неся меня на руках, папа Бундо спускался в мир мертвых, чтобы выторговать у самой смерти всех, кто был с ним в «Доме у дороги». Всех, кого, не задумываясь, одним ударом своего меча разрубил Риндо. Всех, кто потом стал дорог моему сердцу. Маюко не могла этого знать, потому так отважно и согласилась восполнить запас его сил. Маюко пришла к нам всего восемь лет назад...

То место, что болело, пока я шла к окну, теперь обернулось мертвой пустотой. Соленые дорожки слез я стерла одним движением руки. Кем я теперь должна была стать?

Перегородка отъехала, и я повернулась лицом к входящему Риндо.

– Мэй? – нахмурился он, заметив, видимо, мое состояние.

– Надеюсь, господин простит меня за то, что я не успела разоблачиться.

Не знаю, откуда вдруг взялась во мне эта неслыханная дерзость, но я смотрела ему прямо в глаза, не боясь быть наказанной или поруганной. Что-то в движениях Риндо, в его поведении тут же изменилось, и приближаться ко мне он решил особенно медленно, будто растягивая движения и наслаждаясь производимым на меня эффе́ктом.

– Что случилось, Мэй? – тон его речи совершенно не вязался с тем, как двигалось тело. Он словно отвлекал меня от готовящегося броска. – Кто тебя обидел?

– А вы как думаете, господин...коттай? – не удержалась я и выдала правду.

Он застыл как раз рядом с постелью.

– Кюрюко... – грустная улыбка коснулась губ Риндо. Он нисколько не винил мать за то, что не смогла скрыть от меня правду, просто принял, как должное, то, что я, наконец, избавилась от излишней сентиментальности. А в следующее мгновение словно сбросил с себя маску. Вспыхнул голубым пламенем, охватившим его с ног до головы, растрепавшим волосы из хвоста, и предстал передо мной, скорее всего, в том виде, в котором привыкли встречаться с

Белой Смертью. Внимательный прищур холодных серых глаз, темно-бордовая, почти черная, юката, рукава которой обнажали кисти рук с заостренными, совсем не человеческими ногтями. Кем же на самом деле был Риндо? Почему, перечитав сотни книг о Рассветном Крае, я так и не нашла даже упоминания о том, кем являлся мужчина, которого я имела глупость полюбить всем сердцем? – Ненавидишь? – тон разговора сменился и стал таким же, как и холод в глазах. Но я, почему-то, совсем этого не испугалась. В конце концов, лечь в постель с раскрывшимся врагом было не так страшно, как с человеком, держащим камень за душой.

– Не понимаю, чего ты хочешь добиться, – отбросив приличия, вздернула я подбородок. – Я не должна выйти отсюда живой?

Коттай усмехнулся:

– Приди я по поручению Алого демона, возможно, так бы и случилось.

– Зачем тогда ты здесь? Хочешь собственноручно сделать меня демоницей? – жестко спросила я.

– Богиней ты бы нравилась мне гораздо больше, – сладко, но натужно улыбнулся мужчина. – Хотя странная вышла бы богиня – с суккубьими-то силами.

– Что? – на миг я потеряла ощущение контроля над ситуацией.

– Четыре года назад, – живо напомнил Риндо, вновь вгоняя меня в краску. – Маяю стоило больших усилий переключить мое внимание на себя. Ты, еще не зная мужчины, источала такое очарование, что даже в соревновании с опытной Кюрюко вышла бы победительницей.

– Не смей просто так произносить имя моей матери! – прошипела я, невольно подаваясь вперед и с опаской отмечая: то же делает и Риндо. – Ты убил ее первой! – не сдержала я всхлипа, прикрывая рот рукой, лишь бы не разрыдаться.

– Раз ты знаешь всю правду, то должна понимать, что другого выхода не было, – словно не замечая моих слез, пожал плечами Риндо. – Либо смерть от моей руки и дальнейшее возрождение, либо постоянное заточение в мире мертвых. Уверен, второй вариант не пришелся бы по душе ни одному существу из твоего драгоценного семейства.

– И что, я теперь должна отплатить тебе благодарностью? – сплонула я на пол.

– Вполне достаточно будет того, что ты сменишь свой гнев на милость и позволишь себе позабыть о том, кем мы с тобой являемся. Сделай эту ночь временем рождения самой замечательной богини на свете.

– Хочешь, чтобы я исполнила твое желание, коттай? – горько улыбнулась я.

– Было бы неплохо, – ему внезапно стало весело от моей злости, и это взбесило еще больше.

– И чего же ты хочешь? Обещаю – если стану богиней, обязательно его исполню!

На миг вся холодность слетела с облика Риндо. Мне показалось, что невольно он показал мне ту часть себя, которую тщательно скрывал от остальных.

– Я хочу быть человеком, Мэй. Просто быть человеком.

Мне стало горько оттого, что он не произнес ни слова о том, что могло быть связано со мной, потом я задумалась. Коттай – и хочет быть человеком? С чего вдруг? Если только он изначально им не являлся!

– Кто ты на самом деле, Риндо? – чувствуя, что ответ на вопрос находится перед самым моим носом, спросила я, изо всех сил пытаюсь заметить хоть тень сомнения на лице коттая.

– Назовешь мое настоящее имя – получишь во владение почти ручного духа, – нагло усмехнулся мужчина, приблизившись ко мне.

– Я никогда первой не поцелую тебя! – выдохнула я напряженно, следя за тем, как быстро сокращается между нами расстояние.

Сияя улыбкой превосходства на лице, Риндо подошел ко мне вплотную:

– Никогда – это слишком сложное слово в отношении нас с тобой. Но, так и быть, сегодня я к нему готов. Открою тебе маленький секрет: угадав имя коттая, ты все равно привяжешь его

к себе. Конечно, не так сильно, как с помощью поцелуя, но навредить тебе он уже не сможет. Так что у тебя целая ночь на то, чтобы заручиться моей поддержкой на всю оставшуюся жизнь.

Пока он говорил, проворные пальцы сняли с меня широкий пояс и подобрались к тонким завязкам, удерживающим фурикодэ. Когда же последние слова сорвались с губ Риндо, он с застенчивой улыбкой на лице принялся расшнуровывать и их, словно получая особенное удовольствие от моего постепенно заливающегося краской лица. Когда ничто не мешало ему распахнуть полы, я прикрыла грудь руками – не хотела показывать нижние рубашки – и в этот момент его горячая рука опустилась поверх моей:

– Ничего не бойся, Мэй. Что бы между нами ни оказалось, всегда помни – с самого начала твоего существования в доме Бундо я оберегал и помогал тебе. Касу навсегда останется рядом как залог моей преданности и веры в тебя. И я больше всех на свете желаю того, чтобы сегодня миру явилась новая богиня.

Его слова оставили отпечаток в душе, словно клеймо, которым Риндо навсегда пометил меня, закрепляя за собой исключительное право владения женщиной по имени Мэй. Когда его руки осторожно спускали юкату с моих плеч, я поняла, что не смогу противиться его безграничной нежности, тогда-то и вспыхнул внутри меня знакомый огонь, которому я, на удивление, обрадовалась.

– Ты меня не боишься, – удовлетворенно заключил Риндо, будто почувствовал произошедшие со мной изменения.

– Ты это ощущаешь? – мне внезапно стало любопытно, и поощряющая улыбка Риндо была лучше всякого ответа. – Я могла бы вести себя с тобой подобно Маюко. Я ведь, получается, дочка инкуба.

– Или суккубы – и бога, – поправил меня мужчина, оставляя в нижней сорочке. – И мне не надо показного чувства. Но если хочешь испытать свою смелость, можешь попытаться раздеть меня.

Я вспыхнула снова – он ведь предлагал мне, по сути, то, чем могли заниматься только девочки папы Бундо. Хотя какая, в сущности, сейчас была разница? Только в отсутствии у меня опыта...

– Да, господин, – упавшим голосом произнесла я, и Риндо сразу заметил смену моего настроения.

– Ты – не прислужница, Мэй, и не подавальщица, – ласково улыбнулся он, а затем взял мои руки и положил их себе на пояс. – Ты женщина, которая сделает этот мир лучше...

Я робко подняла на него глаза, боясь увидеть в них холодную решимость, с которой он перевоплощался, теряя человеческий облик. Риндо улыбался – еле заметно, краешками губ – и это поселило в моей душе росток уверенности, что, возможно...но я побоялась думать об этом именно сейчас. А потому лишила его верхней части кимоно, не задумываясь.

Он подхватил меня на руки неожиданно, так что мне не оставалось ничего иного, кроме как вцепиться в его шею, непроизвольно пропуская сквозь пальцы шелк длинных белоснежных волос. Ощущение, оставшееся на подушечках, острым импульсом пронзило все тело, и Риндо даже повернул голову, чтобы удостовериться, что со мной все в порядке. А потом медленно опустил на постель...

От нижних халатов нас обоих избавил коттай: сначала разоблачился сам, позволяя мне наблюдать за своими движениями, затем осторожно раздел и меня, пресекая любые попытки испугаться.

– То, что должно случиться, обязательно произойдет, – приговаривал он, нависая надо мной и оттого начиная казаться заполняющим весь мой мир. Так вскоре и случилось: он сделал все для того, чтобы острую, но короткую боль я встретила с наименьшими потерями для здоровья. Меня охватил странный порыв, вместе с которым я подняла руки к голове Риндо и прошлась по коже пальцами. Неожиданное открытие поразило меня настолько, что на миг

я даже забыла, что перестала быть девушкой, а в объятиях меня сжимает не кто иной, как расправившийся с моей семьей воплощенный дух. У Риндо не было человеческих ушей. Вместо них чуть выше, чем располагались у нас, торчали из волос аккуратные остренькие лисьи. Риндо... Риндо, ну, конечно! И как я могла не сопоставить эти факты!

Как раз в это мгновение я почувствовала охватывающий тело спазм, так что слова скорее простонала, чем выдохнула:

– Я знаю, кто ты!

Мужчина, ставший в моей жизни первым и единственным, остановился и навис надо мной:

– Ну же. Скажи мое настоящее имя.

– Ясумаро! – изумленно прошептала я, понимая, что угадала верно. – Риндемон Ясумаро! Коттай–лис, человек, лишившийся благословения Ёёни и не пожелавший согласиться с ее волей! Ты – единственный в Рассветном Краю белоснежный дух лиса!

– Дух лиса, который больше никогда не причинит тебе вреда, – мне показалась в его ответной улыбке хорошо скрываемая благодарность, а дальше я не смогла мыслить связно: Риндо вновь стал со мной единым целым, а я, чувствуя отчего–то странное единодушие с ним, обвилась вокруг мужчины, принявшись двигаться с ним в одном ритме. В ту ночь я не сдержалась и подарила ему единственный поцелуй – в шею, в знак признательности – но даже от него Риндо вздрогнул, и мне показалось, ему это понравилось. Вот так, укрытая облаком длинных волос, я и заснула до самого утра, толком не осознавая, в кого же превратила меня ночь, проведенная в объятиях опального коттая.

Я проснулась вместе с первыми лучами солнца. Риндо еще лежал рядом, и грудь его мерно вздымалась, выдавая глубокий сон. Часть волос все еще скрывала нас обоих, словно покрывало, и я невольно улыбнулась открывшейся картине: будь моя кожа чуть бледнее, она была бы одного оттенка с прядями мужчины. Пока я еще не отдавала себе отчета, пока разум не взял верх над чувствами, я могла молча наблюдать за Риндо, не скрывая от самой себя, что, даже с теми новостями, что принесло мне близкое знакомство с лучшим другом отца, я не перестала любить его. Пусть сегодня мы, возможно, и разойдемся разными дорогами, этого обстоятельства не сможет изменить ничто.

Боль, пусть и остаточная, вырвала с губ стон, и это послужило сигналом к пробуждению Риндо. Почему–то я чувствовала, что он будет вести себя именно так: без улыбки, без сожаления, пристально рассматривая меня. Под этим взглядом захотелось прикрыться, что я и сделала, спешно натягивая свое кимоно и поднимаясь с футона. Почему–то без волос Риндо меня прошиб озноб, но я не подала вида, отходя и не произнося ни единого слова в безуспешной попытке завязаться поясом.

Внезапно меня развернули от окна, и я оказалась лицом к лицу с все еще обнаженным Риндо. Не обращая внимания на попытки борьбы, он самолично завязал на мне фурикодэ, а затем отправился собирать свои вещи.

– Надеюсь, ты понимаешь: то, что произошло ночью, там и останется, – жестко произнес он, и слова оказались для меня, словно нож по сердцу. – Пусть я и не смогу напрямую пойти против тебя, я все еще слуга Алого демона, и если он решит, что, даже не будучи чистой, ты представляешь для него интерес, я не смогу противостоять ему.

Зато смогу я: ни один мужчина больше не дотронется до меня. Ясно осознав эту мысль, я покорно согласилась со словами Риндо:

– Понимаю.

– Будь готова ко всему, маленькая плясунья, – мрачно добавил коттай, пронзив меня почти ненавидящим взглядом. Сердце обливалось кровью от наносимых все чаще и чаще ран, и я не выдержала – выступила вперед и дрожащим голосом поинтересовалась:

– Зачем ты вообще пришел сюда, Риндо? Стала бы я демоницей, побывав в объятиях Алого демона – что с того?

Я видела, как сжались его челюсти – он ни за что не позволил бы бывшему другу стать у меня первым – но на свет вырвалось совершенно другое:

– Пожалел. Кто знает, осталась бы ты такой же прекрасной, как после этой ночи, будь с тобой Алый демон.

Что-то поднялось с глубин моей души – непримиримое, жестокое, требующее справедливости. Слова всего лишь стали волеизъявлением древнего начала, проснувшегося внутри меня.

– За всю произнесенную ложь, за всю намеренную боль, которую ты успел причинить... твое возмездие тебя настигнет.

Риндо поморщился, и я заметила, как после брошенной мною фразы на его плече засияла странная золотистая вязь, смутно напоминающая молодую ветвь аотамы. Став свидетелем знака, появившегося на его теле благодаря мне, коттай облегченно вздохнул и ответил:

– Как прикажет моя богиня.

Значит, его методы принесли свои плоды. Я действительно превратилась в богиню. Только вот что мне было с этим делать, когда тот, кого я пустила в свое сердце, тут же разбил его вдребезги?

– Котта–а–а–й... – так Бундо уже давно к нему не обращался. – Ты же в нее влюбился, коттай. И как я мог этого не заметить?

Выйдя на крыльцо дома, служившего ночью пристанищем его беспокойной души, Риндо заметил одиноко сидящего демона и решил составить ему компанию. Ненадолго. Ровно до того момента, как из головы не выветрится хмель от объятий Мэй.

– Отпираться бесполезно? – хрипло посмеялся дух, присаживаясь рядом.

– Ты слишком сильно нервничал, когда разговаривал с ней накануне. И она тоже хороша – тихоня, скрывала от меня все это. Когда только вырасти успела?

Коттай понял: от Бундо события четырехлетней давности скрыли. Что ж, он тоже не собирался беречь старые раны.

– Я тоже хотел бы это знать, добрый друг. Правда о нашем знакомстве не стала бальзамом для ее души.

– Перебесится, – спокойно отозвался Бундо. – Влюбится еще сильнее. У нее горячая кровь, как бы она это ни скрывала.

Риндо понимающе улыбнулся: в этом свойстве Мэй он успел удостовериться еще ночью, когда она напоминала то ласковую кошку в его объятиях, то внезапно проснувшийся вулкан. Девочка, впервые в жизни оставшаяся с мужчиной... да, Кюрюко никогда бы не сравнилась с приемной дочерью.

– Наверное, ты прав, – не стал спорить блондин, задумчиво вглядываясь вдаль.

– Тогда отчего же не останешься и не защитишь от Алого, коттай? – грусть в голосе Бундо невозможно было спутать ни с чем другим.

– Пока не освобожусь от него, из меня слабый защитник, – вздохнул Риндо. – Но срок моего служения скоро истекает.

– Пять лет, как и всегда? – улыбнулся инкуб.

– Последние пять лет, мой дорогой друг.

– А потом? – заинтересовался Бундо.

– А потом Мэй обещала исполнить мою мечту, – впервые со времен обращения в духа мечтательно улыбнулся Риндо. – Я бы хотел, чтобы она смогла дожидаться меня.

– Тогда не медли – иди и останови Алого демона, – жестко велел ему Бундо. – Моя девочка достойна такой жертвы.

Риндо не прощался, лишь поднялся и сделал несколько шагов, покинув крыльцо. А потом улетел на крылатой колеснице – больше скрывать от Мэй природу своей силы не имело смысла.

– Он вернется, – будто в пустоту, уверенно сказал Бундо.

– Я знаю, – отворилась дверь, и на крыльцо шагнула девушка, превратившаяся ночью в высшее существо. – Я специально повела себя так, чтобы он не чувствовал раскаяния, уходя от меня.

– И кем же ты стала? – отец поднял на Мэй любопытные глаза.

– Трудно поверить, но...кажется, из меня выйдет неплохая богиня возмездия, – она пожала плечами. – Риндо вот уже с моим знаком улетел.

– Прокляла? – расхохотался внезапно Бундо. – Значит, точно вернется.

– На все воля милосердных богов, – тихо отозвалась Мэй.

– Ты теперь одна из них, – напомнил Бундо. – Не думал, что древняя природа Риндо сможет воззвать в тебе к настолько великой силе. Наверное, один из твоих настоящих родителей – поистине могущественное божество.

– Мне никого не надо, – Мэй опустилась рядом с отцом, ласково обнимая его за плечи.

– Вы с матушкой и дружная семья «Ветра в поле» – вот и все, что нужно мне для счастья.

Как бы ни был тронут Бундо словами дочери, обнимая ее в ответ, он понимал: любовь к Риндо никогда не будет легкой. Она навсегда изменит маленькую плясунью Мэй. В его же силах было сделать все возможное, чтобы на пути к цели девочка встречала как можно меньше препятствий. Поцеловав любимую дочь в висок, демон принялся встречать рассвет вместе с ней.

ГЛАВА 4. БОГИНЯ ИЩЕТ НОВЫЙ ДОМ

Алый демон появился спустя неделю после исчезновения Риндо. Мама как раз отправила нас с Маюко в деревню, чтобы договориться и привезти к «Ветру в поле» побольше продуктов для будущего праздника урожая. Там–то и окликнул меня смутно знакомый мужской голос.

– Мэй...

Касу, сидящий на моем плече, вздыбил шерсть и выпустил коготки так, что я застонала от боли. Маюко же первой решила рассмотреть незнакомца, окликнувшего меня.

– Ух, я бы такого попробовала, – облизнувшись и совершенно не заботясь о том, что скажут случайные прохожие наполненной торговой площади, поделилась она впечатлениями. Стоило мне оглянуться на окликнувшего мужчину, и пальцы сами собой сложились в защитном жесте, а рука поднялась вперед.

– Проклятый рёкай, мнящий себя демоном, никогда не подойдет ко мне.

– Алый демон? – пробормотала рядом ошеломленная Маюко.

Я толком не поняла, как под личиной знакомого парня, которого раньше считала простым сыном сапожника, удалось разглядеть именно его. Просто действительность внезапно поплыла, и от облика белокурого молодого человека неизменными остались лишь глаза: они сияли на лице красно–коричневыми провалами. Демон же принял свой истинный вид.

Люди на торговой площади, увидев превращение юноши в страшного рёкай, пришли в движение, и в смешавшемся общем крике страха я уловила отдельные отголоски чужих эмоций:

– Алый демон пришел в деревню...

– Алый демон не оставит нас в покое...

– Мэй накликала на нас беду!

Мне и самой было безумно страшно, но этого нельзя было показывать, иначе тот, кто сейчас стоял передо мной, непременно использовал бы это в своих целях.

– Судя по тому, что ты смогла увидеть меня в истинном свете, все мои усилия по изгнанию богов пали прахом, – задумчиво изрек рёкай. О, да, теперь я была в этом абсолютно уверена. Слишком характерным был контраст во внешности.

Бледная кожа на фоне длинных огненно–красных волос говорила о том, что один из его родителей не принадлежал к человеческому роду. Темные глаза получались лишь у тех детей, которых зачали демоны – считалось, что так проявляет себя дурная кровь. Будь он ребенком Рассветного Края, внешность оказалась бы намного более мягкой, и даже с ярким цветом волос нельзя было спутать человека с кем–то другим, кто лишь выдавал себя за него.

– Что ж, раз так, не имеет больше смысла скрывать истинную причину моего появления, – жестко улыбнулся Алый демон, укутанный в доспехи, напоминающие вторую кожу. Хлопнув в ладоши, он присвистнул, и на опустевшей после бегства людей площади, кроме нас с Маюко, появилось еще с десятков воинов – таких же рёкаев, как и пришедший за мной мужчина. Их лица были скрыты, только зоркие темные глаза выглядывали над платками, укутывавшими нос, щеки и подбородок. Я успела разглядеть всех – холодного серого взгляда среди них не было, и я с облегчением подумала, что Риндо сейчас в другом месте.

– Вижу, ты расстроена, что не застала моего доброго друга рядом со мной, – с притворным сожалением заметил Алый демон. – Но не волнуйся, богиня: когда я заберу тебя отсюда, вы с ним непременно встретитесь.

Касу на моем плече зашипел, а Маюко напряженно произнесла:

– Пятерых я за раз смогу выпить, но потом стану пьяной и ни на что не годной. Алого демона мне не усмирить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.